КРУГЛЫЙ СТОЛ

Круглый стол, посвященный 100-летию русских революций 1917 г. (февраль – октябрь 1917 г.), «Влияние русской революции на развитие стран АТР»

doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/55-107

3 июля 2017 г. во Владивостоке состоялся круглый стол «Влияние русской революции на развитие стран АТР», организованный нашим журналом.

¹ Светлана Михайловна Дударёнок, доктор исторических наук, профессор департамента истории и археологии ШГН ДВФУ.

Проблемное поле для дискуссии включало следующий круг проблем:

1. В какой степени события Первой мировой войны оказали влияние на развитие революционных событий?
2. Русская революция 1917 года – случайность или закономерный итог нарастания кризисных явлений в мире?
3. Современные концепции причин и значения Великой революции в России.
4. Русская революция как событие, изменившее историю региона. В какой степени развитие стран АТР шло под влиянием русской революции?
5. Теория и практика социального государства как порождение Русской революции 1917 г.
6. Восприятие Великой русской революции 1917 г. в современном мире.

Работа круглого стола объединила специалистов из нескольких школ ДВФУ и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Дударенок С.М.¹: Уважаемые коллеги! Позвольте мне как одному из инициаторов и члену редколлегии журнала «Известия Восточного Института» открыть наше сегодняшнее мероприятие. Вы прекрасно знаете, что нынешний год юбилейный, что в 2017 г. исполняется не только 100 лет Великой Русской революции, но и 80 лет Большого террора 1937 г. Нам всем хорошо известно, что события прошлого оказывали и продолжают оказывать влияния и на события настоящего времени. Например, известный российский адвокат Генри Резник объявил об уходе из Московского государственного юридического университета (МГЮА), где восстановили мемориальную доску Иосифу Сталину. Генри Резник назвал Сталина «могильщиком права». «Сталин — это массовые внесудебные органы и репрессии: особые совещания, тройки и двойки, узаконенные пытки, ликвидация независимого суда, презумпции невиновности и принципа состязательности, депортации целых народов», — написал адвокат в своем блоге на сайте «Эха Москвы».

Не менее, наверное, сложно мы воспринимаем и такое неоднозначное событие, как Февральская и Октябрьская революция. Очень часто говорят, что это одна революция, что 1917 г. - год Великой Русской революции. Одни соглашаются

² Ярослав Александрович Барбенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ВИ-ШРМИ ДВФУ, ответственный редактор журнала «Известия Восточного Института».

³ Геннадий Петрович Куликов, кандидат филологических наук, PhD, профессор кафедры культурологии и искусствоведения ШИКС ДВФУ.

с подобным положением, другие не соглашались, считая, что это две разные революции. Одни говорят: «Великая Октябрьская социалистическая революция», – другие называют Октябрьскую революцию переворотом. Мы спорили, спорим и будем продолжать искать истину, потому что историческое сообщество и призвано к тому, чтобы искать и находить ответы на такие сложные вопросы. В этом году в нашей стране и за рубежом пройдет несколько десятков конференций, посвященных Февралю и Октябрю. Мы решили предварительно обсудить проблемы, которые будут подробно обсуждаться на подобных конференциях. Например, в ноябре 2017 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН пройдет конференция «Великая российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира», с подобной тематикой пройдет конференция и в нашем университете.

Готовясь к проведению сегодняшнего круглого стола, мы с ответственным редактором нашего журнала Ярославом Барбенко надеялись, что в ходе обсуждения обозначим наше понимание этого сложного события в истории страны. Понятно, что мы сегодня не придём к общему знаменателю, к единой точке зрения, но некоторые позиции обозначим.

Прежде чем дать высказаться участникам круглого стола, я предоставляю слово ответственному редактору журнала «Известия Восточного Института» Ярославу Александровичу Барбенко.

Барбенко Я. А.²: Здравствуйте, коллеги, у меня техническое дополнение. Давайте ограничимся десятью минутами на каждое сообщение, чтобы оставить больше возможностей для обсуждения тех вопросов, которые были поставлены редакцией в информационных письмах.

Дударёнок С. М.: Уважаемые коллеги! Позвольте предоставить слово Геннадию Петровичу и Ольге Дмитриевне. Геннадий Петрович в наших частных беседах утверждает, что мы неправильно характеризуем саму Октябрьскую революцию.

Куликов Г. П.³: Реставрация капитализма, произошедшая на постсоветском пространстве и названная у нас «перестройкой», вызвала массу изменений в духовной жизни общества, всевозможных переименований, «новаций», ниспровержений авторитетов, запретов, норм и проч., и проч. Не осталась в стороне и Великая Октябрьская социалистическая революция. Появились предложения объединить революционные процессы 1917 г. в единый революционный процесс, что и должно найти свое продолжение в требовании переименования Великой Октябрьской социалистической революции в «Русскую революцию» (Р. Пайпс) или «Российскую революцию». Оправдано ли такое объединение и следующее из него переименование? Ведь здесь может присутствовать и иной умысел, а именно: убрать из истории России и всего мира такое неприятное для некоторых людей упоминание о том, что была социалистическая революция, был социализм.

В отечественной историографии 1920–1930-х гг. события октября 1917 г. в Петрограде назывались по-разному: восстание, переворот, заговор и т.д., и лишь позднее утвердилось и было принято определение, которым мы пользовались до «перестройки» – «революция». Были ли для этого какие-то основания? Дело в том, что социальные революции не делаются в один день или месяц. Должен пройти зна-

чительный период времени для того, чтобы определились результаты проведенных мероприятий: носят ли они революционный или реформистский характер. Только со временем, когда появились результаты преобразований, выясняется, что состоялась всё же революция, а не очередной политический «переворот».

Поэтому, прежние названия – «восстание», «переворот» и др. – со временем перестали играть познавательную функцию, потому что они не всегда завершаются революционными преобразованиями, а значит, могут характеризовать явление поверхностно и односторонне, а при систематическом и всеобщепотребительном использовании умаляют и искажают сущность октябрьских событий.

Но вернемся к альтернативным наименованиям Октябрьской революции. Мы можем выделить несколько подходов. В частности, «этнологический», в данном случае название дается по наименованию того или иного этноса (нации). Очень тесно к этнологическому подходу примыкает и «страноведческий», когда название революции производится от названия страны, например, «английская», «французская» или «российская».

В случае если мы используем наименование «Русская революция», то оно весьма поверхностно характеризует события февраля-октября 1917 г. С одной стороны, утверждается, что события носили революционный характер. Но, с другой стороны, за основу берется этнический принцип и на этом основании неправильно объединяются два, по сути, разнородных события. Кроме того, умаляется этническая основа революции. Считать, что в ней участвовали представители только «русского народа» – неверно. Потому что в событиях и февраля, и октября 1917 г. участвовали представители многих этнических групп тогдашней России, и вернее говорить о её «российском» составе. Применительно к 1917 г. это было бы верно. Но, поскольку очень скоро образовался СССР со своими национальными государствами, многие представители которых были участниками революции, говорить о «российском» её характере не приходится. Но кроме российских подданных, в революционных событиях 1917 г. участвовали и представители европейских государств, например, чехи, англичане, немцы, пусть и в незначительном количестве, но все же это позволяет говорить скорее об интернациональном характере событий 1917 г. в России. Поэтому, называть революцию 1917 г., используя страноведческий подход, по названию страны, было также не совсем правильно.

Остается рассмотреть вопрос об объединении двух революций в России: буржуазной, февральской и социалистической, октябрьской – в единое событие и в одно наименование – «революция», отказаться от их раздельного наименования и различения. Казалось бы, такого рода прецеденты уже были. Объединяем же мы события 1789–1793 гг. во Франции, которые также сопровождались рядом политических переворотов, приводивших к власти различные политические группировки, в одном революционном процессе и в одном наименовании «Великая Французская буржуазная революция».

Для того, чтобы революция могла свершиться, мы говорим о необходимости наличия единства объективных условий и субъективного фактора. Мы не будем говорить о субъективных предпочтениях различных политических групп во Франции, об их программах, симпатиях, идеалах и т. д. Мы зададимся вопросом о наличии объективных

условий для революции во Франции. Были ли там предпосылки для социализма? Нет, и ещё раз нет. Поэтому характеристика для этой революции как буржуазной – вполне обоснована и объективна.

Другое дело революционный процесс в России, он носил здесь более сложный характер. С одной стороны, это были противоречия, которые была призвана разрешить буржуазная революция, но не смогла в силу слабости субъективного фактора, то есть малого опыта у руководителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, отсутствия у них проработанных программ и др., их зависимости от иностранного капитала. В результате вместо преодоления хаоса и дезорганизации в управленческих структурах, кризис управления лишь усилился, вместо массового ожидания скорого мира – продолжение ненавистной всем войны, вместо повышения материального благополучия – усиление бедствий и страданий, что привело к дальнейшему снижению авторитета власти, ее ослаблению и падению. К власти пришли совершенно иные силы с новой программой, с новой социальной опорой, с новыми целями и методами их осуществления. Не видеть этих коренных, существенных различий, а вернее противоположностей, может только слепой или предвзято думающий исследователь.

Поэтому при наименовании революционных процессов XX в. в России было бы все же правильнее с научной точки зрения выделить три явления. Первое, это начало буржуазной революции 1905–1907 гг., которая не завершилась сменой класса, стоящего у власти – царизм, представляющий политически господствующий класс помещиков, дворянства, удержался у власти. Буржуазия, которая рвалась к власти, была оттеснена от реальной власти и вынуждена была довольствоваться незначительными уступками. В экономическом и социальном плане она расширила свое влияние. Таким образом, противоречие между господствующим положением буржуазии в экономической и социальной сфере и её ущемленным, зависимым положением в политической области лишь обострилось, что и вызвало переворот в феврале 1917 г.

Февральская «революция» привела к иной расстановке и социальных и экономических сил. Буржуазия, совершив политический переворот, не смогла довести его до состояния революции, поэтому говорить о «революции» февраля месяца не приходится ни в социальном, ни в политическом плане.

В стране сложилось двоевластие, наряду с Временным правительством существовали Советы рабочих, солдатских, а позднее и крестьянских депутатов. В результате попыток буржуазного правительства закрепить свое политическое положение укреплением социальной и экономической базы, не увенчались успехом. Развязав военный, вооруженный террор против революционных сил (июльский кризис), отказавшись от попыток подавления военной диктатуры (Корнилова), Временное правительство перечеркнуло возможность мирного развития революции и мирного перехода власти в руки Советов. Страна объективно встала на пороге новой революции – уже социалистической, с иной программой, с иной расстановкой сил, с иной целью и иными задачами.

Поэтому объединять две революции – буржуазную и социалистическую – в одну, под совершенно несостоятельным, с научной точки зрения, названием, было бы неверным. Это не продвинуло бы

исторические исследования революционных событий начала XX в. в России, но, с точки зрения методологической, отбросило их назад, а с точки зрения идейной, упростило и сгладило, а, значит, и исказило новейшую историю России. Поэтому наименование «Великая Октябрьская социалистическая революция» отражает полнее и адекватнее картину событий 1917 г. в России. Такое переименование названия существенно искажает различия, противоположности, которые имеются в результатах и сущности тех революционных событий, которые произошли в феврале и октябре 1917 г. в России.

Алексеев Д. Ю.⁴: Уважаемые коллеги! Позвольте мне высказать свое понимание данного вопроса. Социальные революции – ключевые события в политическом процессе, знаменующие собой качественные изменения в политической и социально-экономической системе. Они вызывают множество споров, но долг политологов и историков абстрагироваться от эмоций и дать объективный научный анализ.

В 2017 г. не только в России, но и во всём мире отмечают 100-летие революционных событий 1917 г. У нас традиционно делят их на Февральскую и Октябрьскую революции, что, на наш взгляд, неправомерно, поскольку Октябрь, несомненно, вытекает из Февраля. Февральская революция не решила главный вопрос любой революции – вопрос о власти, приведя к установлению фактического двоевластия. Двоевластие, как показывает практика, объективно ведёт к смуте и может завершиться либо победой одной из сторон, либо полным распадом государственности. В России оно завершилось победой большевиков и созданием первого в мире социалистического государства, что во многом предопределило содержание политического процесса в XX в. как противостояние систем социализма и капитализма. Поэтому, на наш взгляд, Февраль и Октябрь, безусловно, являются этапами одной Великой Русской Социалистической революции, начавшейся в феврале 1917 г. в Российской империи и завершившейся 30 декабря 1922 г. созданием Союза Советских Социалистических Республик. Её следует называть Великой – поскольку она оказала огромное влияние на политический процесс в России и во всём мире, Русской – так как она произошла в России, и Социалистической – поскольку она привела к появлению на политической карте мира первого социалистического государства.

В ходе Великой Русской Социалистической революции можно выделить четыре основных этапа:

Буржуазно-демократический этап (февраль – октябрь 1917 г.) – его основным содержанием стало свержение самодержавия и установление «двоевластия», которое продолжалось до Октябрьского переворота.

Установление диктатуры большевиков (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.) – этап начался свержением Временного правительства и завершился разгоном Учредительного собрания, что привело к Гражданской войне.

Гражданская война (январь 1918 г. – ноябрь 1920 г.) – открытое вооружённое противостояние «красных» и «белых», начавшееся после роспуска Учредительного собрания и завершившееся взятием «красными» Крыма.

⁴ Даниил Юрьевич Алексеев, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ВИШРМИ ДВФУ.

Формирование СССР (ноябрь 1920 г. – декабрь 1922 г.) – этап характеризуется укреплением советской власти, подавлением контрреволюционных мятежей и завершается образованием СССР.

Следует также отметить, что альтернативой победе большевиков был вовсе не «расцвет демократии», а установление правой диктатуры во главе с одним из белых генералов, как это случилось в Испании, где после революции 1931–1939 гг. установилась диктатура Франко. Не случайно в русской эмиграции многие рассматривали гражданскую войну в Испании как продолжение борьбы «красных» и «белых» и были на стороне последних. На роль русского Франко в разное время претендовали Корнилов, Алексеев, Колчак, Деникин и Врангель. Однако, по ряду причин, эта альтернатива не была реализована.

К 1917 г. Российская империя была капиталистической страной с неизжитым наследием абсолютизма и крепостничества. После революции 1905–1907 гг. она не была уже классической абсолютной монархией, но не стала и классической парламентской монархией. Фактически Россия была дуалистической («думской») монархией, сходной по своему устройству с некоторыми современными арабскими монархиями. Её политическое устройство определялось «Основными Государственными Законами», «Высочайше утверждёнными» Николаем II 23 апреля 1906 г., которые сегодня многие рассматривают как первую конституцию России. В пункте 4 Главы Первой «О существе Верховной Самодержавной Власти» недвусмысленно сказано: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть», повиноваться которой «Сам Бог повелевает». В его руках была сосредоточена вся исполнительная власть и большая часть законодательной. Члены Совета министров во главе с его председателем назначались монархом и были ответственны перед ним, а не перед Думой. Согласно «Основным Государственным Законам» Император определяет основные направления внутренней и внешней политики, единолично «объявляет войну и заключает мир, а равно и договоры с иностранными государствами». Законодательную власть он осуществляет «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», но при этом «без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» и лишь «по его почину Основные Государственные Законы могут подлежать пересмотру».

Фактически Дума была лишь законосовещательным органом при Императоре, что не устраивало обе стороны и приводило к острым конфликтам. Достаточно сказать, что первая дореволюционная Дума проработала лишь 720 дней, а вторая и вовсе только 103 дня. Передовая общественность мечтала об «Учредительном собрании», «всеобщих, равных, прямых и тайных выборах» и переделе помещичьей земли. А Николай II, считал, что унаследовал от отца всю полноту власти и должен оставаться самодержцем. Начиная с 1914 г., он стал назначать

премьеров, не заинтересованных ни в сотрудничестве с Думой, ни в продолжении реформ, начатых Столыпиным.

Справедливости ради отметим, что нигде в Европе в то время не было всеобщего равного избирательного права, а в США выборы президента и по сей день не прямые и не равные. Женщины впервые в Европе получили избирательное право в Финляндии (автономной части Российской империи) в 1906 г., а в Англии в 1917 г. лишь 30 % взрослого населения имели право голоса.

Начавшаяся Первая мировая война сплотила правительство и общество в патриотическом подъёме ровно на один год. Но поражения лета 1915 г. возобновили недовольство. В результате стал формироваться второй полюс власти. В «прогрессивный блок» вошло 300 из 442 депутатов Государственной Думы, которые требовали «правительства общественного доверия». Сотрудничать с Думой на условиях умеренных реформ готовы были многие члены Государственного Совета и почти все министры. Но царь упустил возможность опереться на союз реформаторского чиновничества с либеральной общественностью, чем обрек себя на полное одиночество в дальнейших событиях. Ещё одной грубой ошибкой Николая II стал отъезд в августе 1915 г. из столицы в Ставку в Могилёв, что ещё больше усилило, отрыв монарха от политической элиты. В Петрограде он оставил заниматься государственными делами царицу, полагавшуюся на советы одиозного Распутина, что привело к министерской чехарде. За 2,5 года сменилось 4 премьера, 6 министров внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 4 военных министра, 4 министра юстиции и 4 обер-прокурора Св. Синода. В 1916 г. были отстранены от дел самые способные члены правительства: министр иностранных дел Сазонов, военный министр Поливанов и министр народного просвещения Игнатъев.

К осени 1916 г. всё население остро ощутило тяготы войны: перебои в снабжении, рост цен, ограничения на продажу мяса, карточки на сахар. «Сухой закон» введённый в начале войны затруднял жизнь на фронте и наносил огромный ущерб бюджету. Русская армия несла тяжёлые потери: около 2,2 млн. убитых, 0,7 млн. демобилизовано по инвалидности, 2,4 млн. попало в плен, выбита большая часть кадрового офицерства, погибла опора престола – гвардия. Долгое время главным виновником всех бед считался Распутин, но после его убийства 17 декабря 1916 г. недовольство переключилось непосредственно на Николая II, которого предлагали заменить другим монархом. Император в ответ готовил роспуск Думы.

23 февраля 1917 г. (8 марта н. с., устранение путаницы со стилями – ещё одна заслуга революции, отделившей церковь от государства) в Петрограде прошла мирная демонстрация, приуроченная к Международному женскому дню, ставшая толчком к революции. К женщинам присоединились бастующие и уволенные рабочие, недовольные низкой зарплатой и очередями за хлебом. Вскоре появились и политические лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!» 26 февраля (11 марта) войска открыли по ним стрельбу, появились убитые. На следующий день солдаты трёх запасных полков перешли на сторону демонстрантов. В ночь с 27 на 28 февраля (с 12 на 13 марта) царский Совет министров самораспустился. 27 февраля Дума, получив от царя приказ об отсрочке сессии, образовала Временный ко-

⁵ Анатолий Михайлович Кузнецов, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений ВШРМИ ДВФУ.

митет – основу будущего Временного правительства. В тот же день социалисты образовали Совет рабочих и солдатских депутатов, ставший третьим полюсом власти. Так было положено начало будущему «двоевластию». Бунт перекинулся в Кронштадт (убит адмирал Вирен и 60 офицеров) и Гельсингфорс (убито 39 офицеров). Характерно, что революционный террор начался задолго до прихода к власти большевиков – на этапе революции, который многие считают «демократическим». 27 февраля царь приказал отправить на усмирение 11 полков с фронта, но затем отменил приказ, что вызвало недовольство военных. 1–2 марта высший генералитет, епископат, аристократия и ряд видных представителей династии поддержали Временный комитет. 2 (15) марта Николай II подписал отречение от престола. Фактически это и стало концом русского самодержавия.

Следует отметить, что институт монархии был стержнем, на котором держалась Российская империя, и уничтожение этого стержня привело к перерастанию политического кризиса 1915–1917 гг. в хаос социальной революции. Согласно политической теории основными условиями успешности революции являются возникновение второго полюса власти и переход значительной части политической элиты на его сторону. Как мы отмечали, второй полюс власти начал формироваться ещё в 1915 г. вокруг «прогрессивного блока» в Госдуме. По мере утраты легитимности Николаем II, значительная часть элиты стала переходить на сторону «прогрессивного блока». Но появился и третий полюс в лице Советов. Новую легитимную власть должны были дать выборы в Учредительное собрание. Таким образом, после отречения Николая II в России не осталось легитимной власти, но сформировались два конкурирующих властных полюса.

Куликов Г. П.: Я был рад слышать вас, особенно в той части, где вы говорили, что Февраль и Октябрь – два звена одной и той же социалистической революции.

Кузнецов А. М.⁵: Сейчас самое время мне вступить в дискуссию по нескольким причинам. Светлана Михайловна в своём вступительном слове сказала ключевое слово для нашей дискуссии, которое, к сожалению, как-то так и зависло: «сложная». Наша революция представляет настолько сложное явление, что осмысливать её в рамках наших частичных подходов на основе каких-то отдельных фактов – занятие заведомо бесполезное. Второй момент в связи с этим. Для того, чтобы не запутаться в этих противоречивых оценках и субъективных подходах, чтобы выйти на более реалистическое поле оценки этого явления, необходимо избавляться от шаблонов и стереотипов, которые очень часто над нами довлеют. Один из таких шаблонов – это стремление установить очень конкретные причины возникновения таких явлений, не говоря уже о давлении таких наименований, как Великая революция или Октябрьский переворот. Чтобы от этих шаблонов освободиться, необходимо более глубоко осмыслить те концептуальные основания, на основании которых мы пытаемся всё это делать. Вы, Геннадий Петрович, наметили правильный курс, но затем его не поддержали. Даниил Юрьевич попытался подправить Вас, но и сам куда-то подался к общим моментам. Поэтому мне кажется не случайным, что в последнее время теория вообще не в почёте, как и методология, и это, понятно, тоже прямое последствие Великой Русской революции, что так получилось.

И если перевести нашу дискуссию в более фундаментальный пласт, то получается следующая картина. Есть несколько проблем, которые до настоящего времени не получили однозначного решения. Но, не решив общие вопросы, как говорил Ленин, по мере решения частных всё равно будем упираться в эти нерешённые общие. И поэтому первый вопрос: а где граница между историей и современностью? Вторая проблема: каким образом нам увязать собственно историческое, где речь о том, что было, с тем, что есть сегодня?

Я согласен с Геннадием Петровичем, что надо очень внимательно отнестись к тому, что есть революция, потому что здесь масса ловушек, в которые мы постоянно попадаем. Конечно, революция – это не только решение вопроса о власти, а, скорее, те события, которые оказали влияние на развитие судеб отдельной страны и на более широкий международный контекст. Поэтому я не понимаю, что такое Первая русская революция. Да, были волнения, но кардинальных перемен не произошло. Дальше, что такое Февральская революция. Ну да, был кастрюльный бунт, ещё что-то было, а потом, оказывается, после этого ещё грянул Октябрь. Почему? Очевидно, мы имеем дело с совершенно разными явлениями. Нам нужно более глубоко анализировать разные социально-политические обстоятельства. Что было бы, если бы в Феврале к власти пришли другие люди: увидели бы мы тот Октябрь? Забудьте о том, что история не терпит сослагательного наклонения. История должна учитывать разные варианты, и если мы не поймём, почему реализовался какой-то конкретный вариант, тогда вообще ничего мы не поймём.

Чтобы всё это осмыслить, необходимо выводить совершенно другой понятийный круг, и это мы должны рассматривать через проблемы социальной стабильности и общественной неустойчивости, потому что война – это событие, которое всегда любое общество подвергает в состояние неустойчивости, а в этой неустойчивости и возможны такие казусы вроде этого Февраля. Потому что, если бы всё было стабильно, он был бы невозможен. Другое дело, что наши демократы в Феврале эту нестабильность стали ещё больше усугублять. Это ж надо было додуматься: в воюющей стране вводить эти нелепые реформы, которые погубили армию, поставили страну на грань катастрофы, и после этого ещё рассчитывать на что-то. Геннадий Петрович, вы правильно отметили, что за революцией всегда следует контрреволюция. Потому что любая революция – это выход из состояния неустойчивости, а общество не может долго оставаться в неустойчивом состоянии. Контрреволюция только и может выполнить эту задачу.

Далее, без менталитета мы не смогли обойтись. Если мы не будем учитывать, что за люди участвовали в этих событиях, то ничего мы не поймём. Россия действительно страна особая, страна аграрная, страна крестьянская, и когда в мировоззрении основной части населения фигура царя, императора – она вообще космос олицетворяла, а потом этот самодержец взял и добровольно отрёкся от престола, как говорили многие сподвижники, отрёкся, как будто эскадрон сдал. Для многих вообще рухнул весь мир. И люди начинают вести себя совершенно иначе. Точно так же мы должны понимать проблемы, которые произошли в связи с войной, вот в каком плане. Офицерский кадровый корпус – основа самодержавия – был выбит на войне. На

⁶ Вадим Львович Агапов, кандидат исторических наук, доцент департамента коммуникаций и медиа ШГН ДВФУ.

смену ему пришли бывшие студенты и не пойми кто, которые стали офицерами, но которым до самодержавия было очень как-то ровно. Точно так же мы должны понимать, почему произошёл Февраль. Элементарно, петроградский гарнизон – это тыловые части, которые не хотели идти на фронт, они боялись, а тут – возможность нам это всё переиграть. Отвечавшие за порядок в Петрограде императрица Александра Фёдоровна, Хабалов и другие толком не понимали, что происходит, не знали, что и как делать. В этих условиях велика ответственность элиты, тех людей, которые были у власти. О состоянии элиты говорит один пример, который приводит писательница Нина Берберова, что они перед революцией не понимали, о чём Пушкин мог говорить с русскими аристократами. Нормальный российский интеллигент предреволюционной поры и российский аристократ – это были два абсолютно не взаимосвязанных полюса.

И вот поэтому мы не сможем понять феномен революции, если не будем учитывать все обстоятельства, если не будем искать новые подходы через эти проблемы стабильности и неустойчивости. А ведь, действительно, Геннадий Петрович, Февраль и Октябрь связаны. Бездарность Временного правительства позволила большевикам взять власть. Это была партия нового типа. Поэтому не случайно сейчас говорят о ленинизме. Только когда этот опыт стали перенимать в других странах, где не было и в помине пролетариата, там и смогли что-то сделать. Тот потенциал, который был заложен в октябре 1917 г., имел огромное влияние на судьбы всего мира, но точно так же очевидно, что этот потенциал мы растеряли в 1960-е гг., и тогда удалось переломить ситуацию, и Советский Союз уже шёл неизбежно к тому, что случилось в 1990-е гг. Потому, что мы думали, что этого потенциала хватит, что мы ещё долго сможем на этих идеях продержаться. Вот этот самый догматизм, который стал иметь в Коммунистической партии Советского Союза самодовлеющее значение – это и привело к современным событиям. Поэтому связаны между собой и 1917 год, и 1960-е годы, и 1991 год, и сбрасывать это со счетов мы не можем. Потому что история – это процесс, в который мы все включены, и в нём всё взаимосвязано.

Дударёнок С.М.: Коллеги! Анатолий Михайлович задал новый вектор нашего обсуждения. Я очень надеюсь, что вы сможете поддержать Анатолия Михайловича, возможно, ему возразить, возможно, высказать какие-то свои соображения по поводу влияния Великих Русских революций или Великой Октябрьской Социалистической революции на мировой революционный процесс, на мировое сообщество.

Агапов В.Л.⁶: Уважаемые коллеги! В современной истории России 1917 г. является «местом памяти». Отношение к событиям этого года определяет наши политические взгляды, нашу гражданскую позицию, нашу идентичность. В дискуссиях на эту тему можно выделить те же три лагеря, которые существовали и сто лет назад: консерваторов, считающих, что лучше всего жилось при царе-батюшке, либералов-февралистов, сторонников европейско-американского пути, и радикалов-революционеров. Соотношение сил между лагерями зависит не от знания истории, того, что было в прошлом, а исключительно от какой-то политической конъюнктуры и общественных настроений в данный момент. В советское время считалось, что двигателем про-

гресса является революция, ведущая человечество к высшей стадии развития – коммунизму. В годы Перестройки насаждалась мысль о том, что капитализм западного образца – это «столбовая дорога» цивилизации, а мы с коммунизмом ошиблись. В наши дни на государственном уровне возобладали консервативно-охранительные тенденции, президент идёт на выборы под лозунгом «стабильность или смута», а «на щит» поднимаются защитники самодержавия типа Меншикова, Каткова, предупреждавшие об опасности для России резких перемен. Эти лагеря, в сущности, никак не изменились, они точно так же были представлены в 1916–1917 гг. По-моему, мы так и не вышли из 1917 г., мы так примерно на том уровне и остались.

Сердюк М. Б.⁷: Уважаемые коллеги! Мы заслушали три очень интересных выступления. Но, обратите внимание, прежде чем объединяться, вы все помните, нам нужно решительно размежеваться. Во всех трёх выступлениях все ушли от определения «революции». Геннадий Петрович предложил нам ещё раз советскую модель, от определения ушёл. Даниил Юрьевич предлагает другую модель, согласно которой революция завершается только в 1922 году. Основания этой периодизации у меня вызывают возражения. Анатолий Михайлович тоже говорит, что Первая революция – это совсем не революция. Может быть, наши выступающие скажут своё определение?

Алексеев Д. Ю.: Я сказал в своём выступлении, что революция – качественные изменения в социально-экономической и политической системе общества. Они могут проходить и эволюционным путём, но, когда власти не решают возникшие перед обществом проблемы, они накапливаются и приводят к революционному взрыву.

Агапов В. Л.: Если провести связь между историей и современностью, то лет десять назад Артемий Магун в журнале «Полис» написал, что революции обычно порождают новые идеи, а на смену им приходят империи, которые создают пространство, освобожденное от идей.

Исхакова О. Д.⁸: Уважаемые коллеги! Позвольте мне высказать ряд соображений по поводу революции и причин революции. Всякая революция – это результат кризисных явлений в жизни общества, достигших своего пикового состояния, когда страна оказывается на грани хаоса и анархии. Февральская революция 1917 г. в России была случайна по времени возникновения – в этом единогласны современники событий и историки. Л. Троцкий в работе «История русской революции» писал: «Февральское восстание именуют стихийным. Но верно, во всяком случае, то, что в феврале никто заранее не намечал путей переворота; никто не голосовал по заводам и казармам вопроса о революции; никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу, в значительной мере неожиданно для самой массы. Совсем иначе обстояло дело в октябре». Однако причины, её вызвавшие, не были случайны.

Исследователи полагают, что непосредственное воздействие на развитие революционных событий двух первых десятилетий XX в. оказало своеобразие эволюционного исторического процесса в России в пореформенный период и на рубеже XIX–XX вв. Не касаясь всего комплекса особенностей, обратимся лишь к некоторым из них. Это колоссальный рывок в промышленном развитии, который страна осуществила в ходе реформ Витте. По абсолютному объёму промышленного производства Россия вышла на четвёртое место в

⁷ Марья Борисовна Сердюк, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и искусствоведения ШИКС ДВФУ.

⁸ Ольга Дмитриевна Исхакова, кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии ШГН ДВФУ.

Европе и пятое в мире. Однако воспользоваться в полной мере своими достижениями не смогли ни российская буржуазия, ни рабочий класс. Денежная реформа 1897 г. привела к стабильности рубля, и до начала Первой мировой войны он принимался во всех банках мира. Это сделало Россию привлекательным объектом для иностранных капиталовложений. Тем более, что ни государство, ни частный бизнес в России не были в состоянии обеспечить инвестирование такого значительного индустриального развития. Правительство было заинтересовано в допуске иностранных капиталов в экономику страны. Всего на рубеже XIX–XX вв. иностранные вложения составили примерно 2 млрд. рублей и продолжали возрастать вплоть до 1914 г., составив значительный долг России перед европейскими государствами. Таким образом, «огромная доля национального продукта уходила в виде выплат по процентам за границу, обогащая и усиливая финансовую аристократию Европы». В то же время российская промышленность, столь тесно связанная с иностранным капиталом, неизбежно оказалась втянутой в мировой экономический кризис, начавшийся в 1900 г. Кризис сопровождался ростом безработицы и массовых рабочих забастовок. Рабочий вопрос стал одной из причин Первой русской революции. Его острота не была преодолена в последующее десятилетие.

Подавляющую часть населения страны составляло крестьянство. Аграрный вопрос остро стоял в начале века. Община получила земельный фонд по реформе 1861 г., который делился подушно между её членами. Однако естественный прирост населения в начале века вёл к сокращению душевого надела. Крестьяне требовали земли. С точки зрения крестьянства, решение аграрного вопроса виделось в ликвидации помещичьего землевладения и перераспределении земли среди тех, кто на ней работает. Аграрная реформа Столыпина была успешна лишь отчасти. Она содействовала развитию аграрного сектора в целом, но не затронула помещичье землевладение. Аграрное перенаселение европейской части России составляло около 29 млн. чел. Переселенческая политика была призвана решить эту проблему. Однако переселенцев, не прижившихся на новых местах и возвратившихся назад, оказалось около миллиона, и они пополнили взрывоопасную прослойку населения. Аграрный вопрос накануне войны решён не был.

Процесс перехода общества от аграрного к индустриальному отражает степень урбанизации. По этому показателю Россия находилась на предпоследнем месте наряду с Японией. Удельный вес городского населения ко всему остальному в среднем по империи составлял 17,2%, в европейской России – 17,6%, а на Дальнем Востоке – около 30%. По уровню занятости населения в индустриальном секторе страна в 3–4 раза уступала США, Великобритании, Германии и Франции. Таким образом, накануне войны Россия оставалась не только преимущественно аграрной страной, а ещё и с очень существенной диспропорцией в развитии между аграрным и промышленным секторами экономики. Это само по себе создавало опасную нестабильность внутри страны, и неустойчивое международное положение России накануне войны. Оно характеризовалось состоянием соперничества с европейскими державами, которые в значительной степени опережали

Россию в индустриальном развитии, а следовательно и в оснащении армии новейшим вооружением.

Россия – громадная полиэтническая империя. Потому к другим нерешённым проблемам относился национальный вопрос, который находился в перманентном состоянии остроты.

Наконец, государственный строй. В ходе революционных событий 1905–1907 гг. в России был создан парламент – Государственная дума. Однако историки считают, что она по-прежнему мало чем отличалась от абсолютизма, в лучшем случае рассматривают её как дуалистическую монархию. Исполнительная власть находилась под контролем императора. Чёткого разграничения между законами Думы и указами, которые мог издавать император, не существовало. Император обладал правом во время прекращения заседаний Государственной думы издавать указы, требовавшие обсуждения в законодательном порядке. В период между деятельностью I и II Государственными думами (с июля 1906 г. по февраль 1907 г.) было принято более 60 указов царя, которые действовали наравне с законами.

Очевидно, что предпринимаемые правительством меры были недостаточны и к 1914 г. сохранялись в большей или меньшей степени остроты. На вопрос: можно ли было избежать революционных событий 1917 г.? – нет однозначного ответа. Хотя некоторые историки полагают, что революции можно было избежать, не случись война.

Итак, война! К началу войны российская армия была полностью обеспечена необходимым вооружением, хотя не дотягивала до армий европейских стран по новейшим видам вооружений, к примеру, имела недостаточно тяжёлой артиллерии, миномётов. Однако, как и Германия, Россия рассчитывала на кратковременную военную кампанию, и потому к концу 1914 г. боеприпасы были израсходованы. Уже в 1916 г. войска обеспечивались порохом на 44,6%, пулемётами на 29,6%, винтовками на 28,5%. Армия была боса и раздета. Обеспеченность армейским сукном была на 44,9%, обувью на 78,8%. Кроме того, армия испытывала непомерную усталость от войны. Если на Западном фронте на 1 км приходилось 2500 чел., солдаты находились в окопах в среднем 10 дней в месяц и постоянно выводились на отдых. В русской же армии на 1 км приходилось 600 чел. В резерв выводились только совсем обескровленные части. Отпуска для пехоты ввели только осенью 1915 г. уже после того, как в летней кампании 1915 г. русские войска понесли самые большие потери за время войны: 150 тыс. убитыми, 700 тыс. ранеными, в плен попало более 900 тыс. чел. В армии росло недовольство и брожение. Цели войны солдатам были чужды и непонятны.

Ухудшалось положение внутри страны, о чём свидетельствовал рост числа забастовок и крестьянских волнений.

Из показаний Протопопова, бывшего министра внутренних дел, Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о состоянии страны к зиме 1916/1917 гг.: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения – в полном расстройстве... Наборы обезлюдели деревню (брался 13-й миллион), остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы... Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под

страхом реквизиций... цены росли, развилась продажа «из-под полы», получилось «мародёрство»... Армия устала, недостатки всего понизили её дух».

К концу 1916 г. масштабы и глубина кризиса приобрели неуправляемый характер. Как известно, с 23 февраля забастовали Петроградские работницы и рабочие, и волнения продолжали нарастать. Из воспоминаний Милюкова: «Вечером 25 февраля царь телеграфировал командующему Петроградским военным округом ген. Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией!».

Итак, последняя инстанция – войска. Но где войска? Какие войска?

26 февраля 4-я рота запасного батальона Павловского полка подняла восстание. Она вышла из казарм и стали стрелять по отряду городских. 27 февраля к восставшим присоединились солдаты Волынского, Литовского и Преображенского полков. На сторону восставших перешли: 26 февраля – 600 солдат; 27 февраля – 66700; 28 февраля – 127 тыс.; 1 марта – 170 тыс. 27 февраля отдельные части побратались с рабочими. К вечеру оставшиеся «верными» воинские части составляли уже ничтожное меньшинство. В ночь на 28 февраля генерал Хабалов с оставшимися верными правительству солдатами и офицерами укрылся в здании Адмиралтейства. Но на следующий день он остался без солдат: они разошлись.

Где же были в эти роковые дни – 23–27 представители власти? В этот момент (28 февраля) в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров. Беспорядки приняли обличье форменной революции».

Если говорить о территории тогдашнего Приамурского края, то социально-экономическая обстановка не имела такой остроты, как в европейской части России, и прежде всего это касалось крестьянского вопроса. И именно война вызвала кризис, охвативший Дальний Восток России. А усилили взрывоопасную обстановку в регионе особенности его социально-экономического состояния. Это активный миграционный процесс в регионе, который неизбежно содействовал нестабильности среди населения, формируя благоприятную среду для восприятия революционных идей. А также значительная концентрация в Приамурском крае военнотружущих накануне мировой войны.

К названным выше особенностям следует отнести и демографический фактор, а именно преобладание мужского населения в регионе. В Амурской и Приморской областях, наиболее населённых: на 1000 человек мужского пола приходилось примерно 650 женщин. А во Владивостоке это соотношение было 1:4. Со временем это сказалось на остроте политической обстановки.

Наконец, значение Владивостока как города портового, что в ходе войны также оказало неблагоприятное воздействие на ситуацию в регионе. С началом мировой войны после блокады Германией Балтики, а Турцией Чёрного моря через Владивосток стало поступать огромное количество грузов, прежде всего военных. Уссурийская железная дорога и КВЖД были объявлены на военном положении. Но они не успевали вывозить с Дальнего Востока даже оружие, боеприпасы, военные грузы. К лету 1918 г. только на таможенных складах Владивостока скопилось около 10 млн. пудов различного груза и

это было всего лишь 30–40% от общего количества, находившегося в окрестностях Владивостока. Соответственно сокращалась перевозка частных грузов. Это повлекло за собой ухудшение снабжения населения края товарами первой необходимости. К 1916 г. цены на сахар превышали довоенные на 60%, на картофель – на 150%, на крупы – на 100%. Дефицитом стали спички, керосин, мыло, ткани.

Тяготы испытывала и дальневосточная деревня. За время войны из региона было призвано в армию чуть более 100 тыс. чел. Для немногочисленного населения Дальнего Востока это было много. Тем более что из крестьянских хозяйств убыло более 50% трудоспособных мужчин.

В Приамурском крае, как и в Петрограде, решающую роль сыграли солдатские массы. Уже говорилось о наличии значительного числа военнотружеников на территории края накануне войны. Но и с её началом после отправки боевых частей на фронт в Приамурском военном округе насчитывалось около ста тысяч чел. Среди них 22 ополченские дружины, крепостные артиллерийские полки и роты, Сибирская и Амурская военные флотилии, два казачьих войска: Амурское и Уссурийское – и др. части. При этом следует отметить, что из всех воинских формирований, находившихся на территории края, только казачьи в полном составе были непосредственно сформированы на территории края и самым непосредственным образом с ним связаны. Округ, находясь вдали от театра боевых действий, комплектовался ратниками I – II разрядов, т.е. людьми вполне зрелыми и в абсолютном большинстве выходцами из европейской части страны. И именно ополченские дружины составляли основу крупных гарнизонов, и они же активно поддерживали Советы, зачастую и по численности преобладая над рабочими в Советах городов.

Таким образом, события, произошедшие в России в феврале 1917 г. не явились последствием только войны, но они, несомненно, оформились, вызрели именно в недрах войны: и на фронте, и в российском обществе. Несомненно, также, что революция победила неожиданно и при содействии армии.

Сердюк М.Б.: Хочу сделать маленькое дополнение к тому, что говорила Ольга Дмитриевна. Ольга Дмитриевна упомянула о том, что, казалось бы, в начале XX в. после реформ Витте состояние рубля стабилизировалось и был стабильный обмен золотого рубля на бумажный и обратно. Более того, население предпочитало бумажные деньги, как более удобные в обращении. Даже русско-японская война не поколебала курс рубля. А вот с этой войной всё очень странно. Говорили о том, что не рассчитывали больше, чем на четыре месяца, но уже в августе 1914 г. правительство прекращает свободный обмен бумажных денег на золотую монету. Война только-только начинается. К сожалению, я не встречала в исследованиях объяснений, почему это произошло, только констатацию факта. Но, конечно, прекращение размена бумажных денег уже в начале войны сразу приводит к инфляционным процессам и уже закладывает эту бомбу расстройств денежного обращения. Уже в 1915 г. правительство на полную мощность включает печатный станок, но это не спасает положения. Проблематичность нашего региона и тот рост цен, о котором шла речь, ещё и в том, что на окраину буквально не успевали довести наличность, которой здесь в 1915, 1916 и тем более в 1917 годах остро не

⁹ Леонид Евгеньевич Козлов, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ.

¹⁰ Анна Александровна Савчук, кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии ШГН ДВФУ.

хватало. Это тоже давало толчок росту цен. И, на мой взгляд, сегодня эта проблема в контексте войны недостаточно изучена.

Козлов Л. Е.⁹: Когда речь идёт об исторических событиях, мы, политологи, естественно, изучаем то, что происходило на высших уровнях. У царя была в голове какая-то романтическая каша, что видно по его выступлениям, по записям современников. Никакой коммуникации между верхами и низами быть не могло. Царь был готов продолжать войну до последнего солдата, а солдатам вовсе не хотелось этого. Это нарушение политической коммуникации – одна из предпосылок революции. Война не была нужна России.

Савчук А. А.¹⁰: Коллеги! Нужно ещё иметь в виду специфический менталитет, который начинает формироваться под влиянием затяжных военных действий. Исследуя психологическое влияние Первой мировой войны на последующие события, многие авторы отмечают такой интересный момент. Психология казармы, которая утверждается в русском обществе, в значительной степени облегчает переход к войне гражданской. Население гораздо легче удалось поднять на Февральскую революцию, о чём уже подробно рассказала Ольга Дмитриевна, а потом на Гражданскую войну. Если говорить о роли политических партий, то до войны основное предпочтение на Дальнем Востоке отдавалось кадетам и эсерам. Военная обстановка оказала большую роль в укреплении социалистических партий. Люди стали возвращаться с фронтов, часто с оружием. Менталитет казармы оказал влияние и на повседневную жизнь.

Исхакова О. Д.: Я хочу сказать, что военный состав на Дальнем Востоке к 1917 г. представлял не столько регулярные части, сколько ополченские. Как правило, они формировались в Европейской части России. Состояли они из взрослых мужчин, которые отдавали себе отчёт, как они действуют. Я думаю, они вполне сознательно вступали в революционные события.

Агапов В. Л.: Необходимо отметить, что во время Первой мировой войны происходит усиление оппозиционности либерально-буржуазных кругов, что прежде всего видно по прессе. Я написал две монографии, посвящённые отражению жизни России в годы Первой мировой войны в столичной и дальневосточной прессе. И выделил три основных момента, которые приводят общество к осознанию необходимости того, что нужна революция. Первый момент – военный. Никто не ожидал, что война будет продолжаться так долго. В начале характерен такой оптимизм, что скоро мы победим. Партии крупной буржуазии делили контрибуцию и территории стран, с которыми Россия воевала, более либеральные, типа кадетов, предсказывали расцвет демократии после того, как Россия победит в этой войне. И все сходились на том, что потом настанет всеобщее разоружение и мир во всём мире. Но война продолжалась месяц, год, два, пошёл третий год, и конца и края ей было не видно. Понятно, что общественные настроения стали очень быстро стихать. Интеллигенции, которую в основном составляли круги читателей и сотрудников газет и журналов, было легко рассуждать о том, как мы хорошо будем воевать, когда желудок был полон, когда не было никаких социальных проблем. И тут наступает второй момент, социальный. Мне кажется, что правительство допустило крупную ошибку в своей информационной политике. Во время Первой мировой войны была введена

жесткая цензура, которая ввела почти полный запрет на освещение, независимо от официальных военных сводок, того, что происходит на фронте. Действительно, в газетах трудно найти правду о войне. Но архивные документы свидетельствуют, что военное министерство не возражало, чтобы в прессе шире освещалась роль крупного бизнеса, то есть буржуазии и её спекуляции на войне. Это привело к такому результату, которого правительство не ожидало. Да, про войну никто не писал. Она была экстремально непопулярной. Она была фактором, который, как все считали, делает жизнь хуже. Но при этом все писали про мародёрство, про развитие спекуляции, про рост цен, про то, что гражданский мир разрушился, что это просто миф, которым прикрываются богатые, чтобы легче грабить бедных. Кстати, к вопросу о сахаре, дальневосточные газеты в 1916 г. писали, что бумага, в которую укупоривается сахар, является большим дефицитом и стоит дороже, чем сам сахар, при том, что сахар действительно сильно подорожал. И третий момент, который непосредственно близок к революции. После военного и социального кризиса, который в газетах широко освещался, появился ещё политический. К февралю 1917 г. на Дальнем Востоке выходило 11 газет, почти все они были либерально-буржуазного направления и почти все занимали довольно-таки левые позиции. То есть они с Государственной Думой связывали все надежды на перемены, все они поддерживали программу думского Прогрессивного блока, лидером которого был Миллюков, все они считали, что России нужно ответственное министерство и, добавлю ещё, война до победного конца. Именно поэтому, когда Февральская революция действительно произошла, пресса с восторгом её встретила, потому что думала, что теперь-то мы точно победим.

Савчук А. А.: Сразу вспоминается Оруэлл, который в своём романе «1984» писал, что громче всех о войне кричат те, кто на эту войну никогда не пойдут.

Галлямова Л. И.¹¹: Уважаемые коллеги! Закономерно, что 2017 г. – год столетия Великой Российской революции – проходит под знаком переосмысления истории революционных событий. Очевидно, что Великая Российская революция настолько многомерное и масштабное явление, что при его постижении нельзя ограничиваться изучением только материальных факторов или человеческой психологии, или личностей политических лидеров, нужно рассматривать все аспекты, все составляющие революции, причем только в комплексе. В этом плане к изучению Российской революции совершенно необходим региональный подход, анализ специфики революции и в центре, и на периферии. Применительно к Дальнему Востоку России необходимость такого подхода особенно важна, если иметь в виду геополитическое значение дальневосточного региона. Данное обстоятельство придает дополнительную актуальность изучению революционных событий 1917 г. в дальневосточном регионе.

Первая мировая война вполне продемонстрировала важнейшее геополитическое, оборонное и торгово-транспортное значение Дальнего Востока для России. Оказавшись глубоким тылом, регион приобрёл особую роль в реализации внешнеэкономических связей России, обеспечив поступление необходимых для обороны страны мирных и военных грузов. Дальний Восток принял активное участие в решении стоявших перед страной задач по мобилизации и снабже-

¹¹ Людмила Ивановна Галлямова, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ИИАЭ ДВО РАН.

нию армии; на его территории было обеспечено проживание десятков тысяч военнопленных, эвакуированных и беженцев. С другой стороны, охватывавший Россию в годы войны системный финансовый, хозяйственный и политический кризис находил на Дальнем Востоке всё более яркое проявление.

Но были и особые, региональные факторы, способствовавшие сдвигу общественного настроения «влево». Во-первых, являясь регионом активной миграции, Дальний Восток (и особенно города) был насыщен людьми маргинального типа с такими присущими им чертами, как неуверенность, беспокойство, тревожность, агрессивность и т.д. Маргиналы являлись благодарной социальной средой для восприятия революционных идей крайнего толка. Важнейшая особенность демографического развития Дальнего Востока – высокий уровень урбанизации: в 1916–1917 гг. удельный вес городского населения в России составлял 18%, тогда как на Дальнем Востоке – 32,3%. Не случайно города, и особенно Владивосток, сыграли ведущую роль в социально-политических трансформациях революционного времени. Наконец, ещё один важный фактор, повлиявший на развитие событий на Дальнем Востоке, – высокая концентрация военных сил, причём весьма существенной особенностью было то, что они базировались в основном в городах и крупных промышленных центрах. Так, по подсчетам В. Н. Зуева, к февралю 1917 г. в Приамурском военном округе (с учётом Амурской и Уссурийской флотилий) насчитывалось до 80–100 тыс. военнослужащих. Только в одном Владивостоке скопилось 46 тыс. войск. Владивосток отличался также высокой концентрацией рабочей силы: только на судоремонтном заводе и в военном порту в 1917 г. имелось до 5 тыс. рабочих, Осиповский затон в Хабаровске, обслуживавший Амурскую флотилию, был одним из крупнейших рабочих центров Приамурья. Частые и тесные контакты матросов и солдат с крупными рабочими коллективами способствовали росту революционности в среде военнослужащих. Солдатские и матросские массы были неперенным объектом революционной пропаганды, и в их среде настроения недовольства были особенно сильны.

Первая мировая война из-за своего затяжного характера по всей стране стимулировала рост недовольства в широких слоях населения, что усугублялось тяжелым моральным состоянием общества из-за неудачного хода военных действий и поражений русской армии. У дальневосточников в 1916 г. эти настроения также проявились со всей очевидностью. Так, если с началом войны произошел резкий спад стачечного движения (с июля 1914 и до конца 1915 г. – всего 6 рабочих выступлений), то в 1916 г. забастовочная кривая, как и во всей России, резко поползла вверх: в течение этого года зарегистрировано 20 стачек и волнений (в 2,2 раза больше, чем за 2 предыдущих года) с участием 5,3 тыс. чел., что составляло почти трехкратное увеличение массовости. Причины всех забастовок имели экономический характер, и стачечная борьба развивалась стихийно, однако важен тот факт, что в нее включились преимущественно крупные рабочие коллективы (шахтеры Сучана, горняки Тетюхинских рудников, рабочие благовещенского завода Чепурина, Хабаровского арсенала, Владивостокского военного порта), и это повлияло на ее результативность, поскольку впервые половина выступлений дальневосточных рабочих завершилась победой или компромиссом. Намечался рост

оппозиционности дальневосточного пролетариата: выборы представителей от рабочих в ВПК, происходившие летом 1916 г., обнаружили «полевение» рабочей массы, ибо симпатии рабочих оказались на стороне социалистов. В 1916 г. весьма тревожным признаком стало появление лиц, стремившихся уклониться от призыва в армию. Усиливалась оппозиционность либерально-буржуазных слоев, о чём свидетельствовал все более критический настрой местной прессы. В этом плане примечательно, что в ноябре 1916 г. никольск-уссурийский ротмистр Постников, указывая в своем докладе на рост оппозиционности по отношению к правительству, весьма провидчески заметил, что «...при первом всеобщем удобном моменте движение, особой активностью пока не отличавшееся, может принять внушительные результаты и довольно организованный характер». Очевидно, что далеко не случайно начавшийся в феврале 1917 г. в центре России революционный пожар был с такой готовностью подхвачен и на Дальнем Востоке.

Однако такой фактор, как огромная удаленность от центра страны, заметно влиял на общественно-политическую жизнь Дальнего Востока. Так, информацию о свершившейся 27 февраля 1917 г. в Петрограде революции дальневосточники получили с опозданием, поскольку первые сведения, поступившие на телеграф, по распоряжению Приамурского генерал-губернатора были заблокированы, и лишь 3 марта, когда от Временного правительства стали поступать официальные распоряжения, они были обнародованы и стремительно распространились по Приамурскому краю. Стихийно стали возникать митинги, собрания, массовые демонстрации, а главное – начался демонтаж старых органов власти.

Февральская революция стала мощным катализатором общественно-политической активности широких масс дальневосточников. Газеты, выходившие весной 1917 г. в Приморье и Приамурье, были полны объявлений о создании всевозможных общественных и политических организаций: отделений партий, национальных объединений, профсоюзов, женских клубов и т.п. В марте – апреле 1917 г. в Приамурском крае возникли рабочие, солдатские, крестьянские и казачьи Советы, во всех четырех уездах Приморской области созданы исполнительные комитеты общественных организаций уездов, по волостям и селам – сельские комитеты. В Амурской области в рабочих и крестьянских населённых пунктах возникали комитеты безопасности, сельские и волостные крестьянские комитеты. В условиях развития демократизации страны начался процесс партийного строительства.

С открытием навигации началось возвращение политических эмигрантов, ранее вынужденных покинуть Россию из-за преследований самодержавия. Через Владивосток в мае – июне 1917 г. вернулись на Родину более 800 чел. Многие из них остались на Дальнем Востоке, в том числе такие известные революционеры, как А.Ф. Агарёв, А.Я. Нейбут, И.А. Рабизо, Е.К. Ковальчук, М.Э. Дельвиг, И.Г. Кушнарёв, А.М. Краснощёков и др. Особенно укрепилась социал-демократическая организация Владивостока.

Летом в городах края происходят пере выборы городских дум. В итоге выборов подавляющее большинство мест получили депутаты «социалистического блока»: в Благовещенске блок получил 50 из

67 мест (75%), во Владивостоке 84 места из 101, в Хабаровске – 43 из 56, в Николаевске – 22 из 31, в Никольске-Уссурийском – 32 из 40. Городскими головами также в основном избраны социалисты. Постановлением от 17 июня 1917 г. Временное правительство вводило земские учреждения в Амурской, Приморской и Сахалинской областях. Выборы в земства проводились по Дальнему Востоку с августа по ноябрь. 16—17 августа на Дальнем Востоке началась кампания по подготовке выборов в Учредительное собрание. Все области Дальнего Востока были объединены в единый Приамурский избирательный округ с общей избирательной комиссией. Избирательные комиссии создавались также в каждой области. В ходе подготовки к выборам в крае значительно обострилась политическая борьба.

В массах всё ещё держалась вера во Временное правительство, в его призывы «защиты Отечества», в возможность решить все насущные проблемы страны с помощью Учредительного собрания. Но нарастание и углубление хозяйственного кризиса, задержка реформ в условиях войны, ухудшение положения народных масс способствовали обострению политической обстановки. Кроме того, стал очевидным развал старой русской армии, толчком которому послужил приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1(13) марта 1917 г., уравнивший в политических правах солдат и матросов со всеми гражданами, но прежде всего он подрвал саму основу воинской дисциплины и субординации воинских чинов, лишил офицеров реальной власти во вверенных им частях. Осенью 1917 г. процесс демобилизации армии постепенно стал превращаться в процесс само демобилизации, в край стали прибывать сначала поодиночке, затем группами солдаты, дезертировавшие из своих частей и почти всегда – с оружием. Оружие накапливалось в деревне у фронтовиков, в основном представителей сельской бедноты и обедневших в ходе войны середняков. Народные массы, уставшие от митинговой бестолковщины 1917 г., неспособности Временного правительства решить вопросы о мире, о земле, объективно все более тяготели к популистским призывам политиков, обещавших мир, землю и свободу в понятных для многих лозунгах.

Накануне и во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, 20–26 октября 1917 г. во Владивостоке проходил 1-й съезд профсоюзов Дальнего Востока. Каждая из партий стремилась взять профсоюзы под своё влияние, рассматривая их как важную опору в борьбе за власть. Председателем президиума съезд избрал большевика Гросмана, его заместителем – Краснощёкова. К концу заседаний, когда поступили сообщения о событиях в Петрограде, профсоюзный съезд приветствовал II Всероссийский съезд Советов. В принятой большинством голосов резолюции по вопросу о политическом моменте объявлялось целью «устранение от власти буржуазных классов». 13 ноября, возвратившийся во Владивосток делегат II Всероссийского съезда Советов Раев привез столичные газеты с текстами декретов «О мире», «О земле» и других документов, которые 14 ноября 1917 г. были опубликованы в местных газетах.

В ноябре 1917 г. состоялись выборы во Всероссийское Учредительное собрание по Приамурскому избирательному округу, по их итогам за эсеров было отдано по округу 51,5%, в т.ч. в городах – 19,4, в гарнизонах – 47,0, в сельской местности – 64,8% го-

лосов; большевики получили 18,9 % голосов, в т.ч. в городах – 36,8, в гарнизонах – 31,5, в сельской местности – 9,4 %; за кадетов проголосовали 7,5%, в т.ч. в городах – 19,3%, в гарнизонах – 5,8%, в деревнях – 2,5%; за меньшевиков – 6,8%, в т.ч. в городах – 9,1%, в гарнизонах – 7,0%, в деревнях – 6,0 %, на долю прочих партий и групп пришлось 14,9 % голосов. Во Владивостоке безусловную победу одержала партия большевиков: 49% избирателей (один из самых высоких показателей в стране). Депутатами в Учредительное собрание от Приморско-Амурского округа стали 12 чел., в том числе эсеры В.К. Выхристов, Л.И. Загибалов, М.С. Мандриков, Ф.И. Сорокин, А.Н. Алексеевский, В.Г. Петров, Н.Г. Кожевников и большевик Нейбут.

Огромное значение для роста симпатий населения к большевикам сыграло появление на Дальнем Востоке первых декретов Советской власти. Они получили широкое распространение в крае в середине ноября 1917 г. В результате большевизации местных Советов уже в ноябре Сучанский и Владивостокский советы взяли власть в свои руки. С ноября по декабрь 1917 г. в основных центрах Дальнего Востока под влиянием вооружённых демонстраций солдат стали проводиться перевыборы Советов. Вечером 12 декабря 1917 г. в Хабаровске открылся III Дальневосточный краевой съезд Советов. На съезде были представлены 17 Советов Дальнего Востока. Из 84 делегатов было: 46 большевиков, 27 левых эсеров, 9 меньшевиков и 2 беспартийных, представлявших 15 Советов городов и рабочих поселков Дальнего Востока (не прислали своих представителей областные крестьянские Советы Амурской и Приморской областей). Съезд принял Декларацию о переходе власти на Дальнем Востоке к Дальневосточному краевому комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений (69 чел. проголосовали за, четверо – против, 6 воздержались).

С провозглашением Советской власти на Дальнем Востоке и созданием краевого органа власти началось установление и укрепление советской государственности на Дальнем Востоке, а также практическая реализация декретов советского правительства на дальневосточной окраине РСФСР. Все дальневосточные Советы наделялись правами административной власти и должны были обеспечивать проведение в жизнь политики советской власти, всех директив, законов, декретов и распоряжений Советского правительства.

Таким образом, победоносный Февраль стал важнейшим фактором, вызвавшим подъём революционного движения по всей России, включая самые отдаленные её окраины. На Дальнем Востоке Февральская революция прошла без вооружённых столкновений и активного сопротивления царской администрации. Революционный 1917 г. явился переломным для России и её Дальнего Востока, привел к глубоким социально-политическим переменам. В дальневосточном регионе происходит трансформация политической системы в плане её демократизации: создаются новые органы власти – комитеты общественной безопасности, идет демократизация городских и сельских самоуправлений. Радикально меняется общественно-политическая жизнь: возникают партии, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзы и пр., развернулась работа по введению земств и т. д.

Процесс создания Советов и ликвидации местных органов самоуправления на Дальнем Востоке имел свои особенности по сравнению с центральными районами страны. В 1917 г. в массах господствовали представления о справедливом общественном устройстве, основанном на общинных нормах демократии. Этим и объясняется популярность социалистических идей, приверженность Советам рабочих и крестьянских депутатов, а также рост авторитета социалистических партий. В итоге многие пошли за большевиками, проводившими политику, отражавшую в то время ожидания огромной части населения. Изменение симпатий народных масс в пользу большевиков сделало установление Советской власти на Дальнем Востоке довольно мирным.

Агапов В. Л.: Как справедливо отметила Людмила Ивановна, во время Первой мировой войны оппозиционность либерально-буржуазных кругов усиливалась, что хорошо видно из прессы того времени.

О свершившейся в Петрограде революции дальневосточные газеты сообщили 4 марта 1917 г. Отношение к произошедшему было практически одинаковым во всех городах. Благовещенское «Амурское эхо»: «У власти стал народ... Над исстрадавшейся родиной восходит заря желанной свободы...»; Владивостокская «Дальний Восток»: «В душном каземате выбито окно, и свежая струя воздуха льётся в наболевшую грудь... государственный корабль взяли в свои сильные надёжные руки люди земли, люди народа... Новое правительство, правительство Свободного Великого Народа, уже стоит у власти...»; Владивостокская «Далекая окраина»: «Твёрдой рукой взяли из недостойных рук кормило правления народные избранники, и светлой радостью и надеждой приветствовали этот шаг армия и народ», «Всем было до очевидности ясно, что власть впала в позорную и жалкую прострацию», столичное чиновничество погрязло в коррупции и вело страну к неизбежной гибели.

Ни одно издание не выразило никакого сочувствия к свергнутому правительству. В последующие дни страницы газет заполнялись сплошными дифирамбами в адрес революции. «Наконец взошло яркое солнце свободы над вековым мраком России», «Воскресе Россия! Воистине воскресе в жизнь счастливую, радостную, лучезарную!», «по всему лицу земли русской царит безграничная безудержная радость». В городах царило сплошное ликование. В воскресенье 12 марта во Владивостоке состоялось празднование победы революции. По словам «Далекой окраины», в этот «светлый день празднования освобождения нашей дорогой родины от тяготевшего над ней тысячелетнего гнёта горсти людей» «празднование Победы Революции и память погибших за свободу народа привлекло свыше 30 000 граждан и войск и прошло в идеальном порядке...». В «Дальнем Востоке» был помещен репортаж о «всенародном празднике», когда «Владивосток ликовав, празднуя победу над трёхсотлетним гнѐтом Романовской опричнины». Итог романтическим иллюзиям этих дней 15 марта подвела «Далекая окраина»: «Взошла заря. Солнце правды озарило благодатным лучом своим нашу Святую Страдалицу Русь...».

С революцией газеты связывали надежды на перелом в затянувшейся мировой войне. В каждом номере печатались патриотические воззвания Временного правительства. Но внимательный читатель уже мог разглядеть на страницах газет первые признаки грядущего

кризиса. 17 (30) мая «Далекая окраина» отмечала, что «свободные граждане» Владивостока веселятся, радуясь обретенной свободе, а работать на благо отечества не хотят. Редактор «Дальнего Востока» Панов, восхищаясь «народным вождём» Керенским, предостерегал от возможности впадения страны в полную анархию. То, что такой вариант был вполне возможен, видно из газетных телеграмм, сообщавших о беспорядках, происходящих по всей стране. Центральное место в номере «Далекой окраины» от 8 (21) июня занимает статья «Задача момента». В ней уже нет мартовских восторгов. Автор отмечает, что «у буржуазии увлечение революцией уже проходит», «торгово-промышленный класс... не обнаруживает никакой охоты поступаться во имя интересов свободы и революции своими социальными привилегиями», «буржуазия готова принести на алтарь Отечества своё вдохновение, свою революционную риторику, свои платонические порывы, но не свою прибыль...». Защитниками интересов буржуазии, по его словам, выступают «демократические» партии, до революции щеголявшие «народолюбием», а теперь открыто начавшие «поход против экономических требований рабочего класса».

Большие надежды Временное правительство возлагало на наступление российской армии («июньское наступление» или «наступление Керенского»), которое должно было поднять значение демократической России в глазах Антанты. Оно началось 18 июня (1 июля) 1917 г. на Юго-Западном фронте против австрийцев и сначала развивалось успешно. В «Дальнем Востоке» известия об одерживаемых победах вызвало прилив позабытого с 1916 г. энтузиазма: «Революционная армия свободной России очнулась от дурмана разложения. Революционная армия встряхнулась и, выпрямленная во весь свой гигантский рост, пошла добывать освобождение русской земли от сапога германского солдата... С новой надеждой, с новой верой и упованием смотрим мы в даль прекрасного будущего...». Но успех был временным. 9 (22) июля «Далекая окраина» сообщила о начале отступления, объясняя его тем, что «что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ о поддержании атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали – подлежит ли выполнению приказ, причём некоторые полки отказались от выполнения боевых поручений...». В этот день газета призывала «быть едиными в своём стремлении идти рука об руку к светлому будущему революции». Но уже номер от 10 (23) июля был целиком посвящён беспорядкам в Петрограде. 11 (24) июля Декларация Временного правительства сообщала: «Петроград, 8. Граждане! Настал грозный час: войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии...». Это известие газета сопровождала комментарием: «Нельзя без горя и ужаса читать последние телеграммы из ставки... Наши войска на Западном фронте бегут, проявляя полное неповиновение своим начальникам, сдаваясь в плен... Перед народом, только что свергнувшим иго царизма, встаёт новая задача – защищать революцию!» В этом же номере сообщалось об уходе 7 (20) июля князя Львова с поста министра-председателя.

Надежды интеллигенции не оправдались. Судя по газетным публикациям, после полугода демократического эксперимента страна уже стояла на грани полного развала. «Далекая окраина» писала, что в России «наиболее важные вопросы решаются по инерции, без руля

и без ветрил», «экономический кризис уже давно перешёл в развал», выступления рабочих «терроризируют своими требованиями промышленные предприятия и ведут их к несомненной гибели», а правительство, вместо того, чтобы что-нибудь делать, созывает совещания. 9 (22) августа отмечала, что «экономическое положение России настолько сильно изменилось за тяжёлые годы войны, что невольный мороз пробегает по коже». 29 августа (11 сентября) сообщала, что на повестке дня встал вопрос о демобилизации армии и промышленности: «Призрак грядущего голода... угрожает рабочим массам во многих местностях. Уже бьют тревогу министерство труда, профессиональные союзы, политические партии и сами рабочие». Тем временем до новой, Октябрьской, революции стране оставалось всего лишь два месяца.

В Российской империи качественные газеты, к которым можно отнести «Дальний Восток» и «Далекую окраину», являлись выразителями взглядов городской интеллигенции и среднего сословия, составлявших основной круг как их авторов, так и читателей. Чтение этих газет 100 лет спустя позволяет прийти к следующим выводам: 1) самодержавие не пользовалась поддержкой в обществе (под которым мы понимаем читателей газет), поэтому население встретило новость о его свержении с ликованием, и, судя по газетным публикациям, в марте 1917 г. на улицах дальневосточных городов был сплошной праздник; 2) с радостью от обретенной свободы соединялись надежды на подлинное единение народа с властью, состоящей из народных избранников, и более эффективное управление, которое позволит победоносно завершить войну; 3) но эти надежды не оправдались – весной и летом 1917 г. газетная хроника регистрирует стремительную деградацию и распад всей системы управления, разложение и бегство армии, причём наиболее дальновидные публицисты в это время отмечают также отход буржуазии от революции и рисуют самые мрачные картины социально-экономического краха, перед которым оказалась Россия после падения монархии.

Савчук А. А. :Уважаемые коллеги! XX в. в российской и мировой истории – это время кровопролитных мировых войн, революций, гражданских войн и религиозных конфликтов; время разрушения и созидания государств, истребления некоторых групп населения по различным признакам – от идеологических до этнических. Вплоть до конца века нормализованное насилие против личности не давало возможности осмыслить, как «маленькие люди», оказавшиеся в эпицентре санкционированного насилия, выживали и сохраняли себя. Конец XX – начало XXI вв. – время пробуждения в российской гуманитаристике интереса к определенным практикам повседневной жизни в экстремальных условиях войн, революций и интервенций, получивших название *стратегии выживания*.

Впервые в российской исторической науке понятие «стратегии выживания» применительно к поведению обычных людей в годы революции 1917 г. и Гражданской войны предложил В.В. Канищев в 1997 г. *Стратегии выживания* – это совокупность техник, методов и форм приспособления населения к резко и постоянно меняющимся условиям жизни в нестабильное время. Интерес к данным средствам приспособления обусловлен, на наш взгляд, несколькими причинами: нестабильной экономической и политической ситуацией

1990-х – начала 2000-х гг., ростом интереса отечественных исследователей к микроистории и, в частности, к проблемам «маленького человека», развитием гендерных исследований и др. Особое внимание исследователи уделяют стратегиям выживания в годы Октябрьской революции и Гражданской войны, что связано с формированием в исторической науке определенной дихотомии «норма – аномалия», получившей наибольшее развитие в работах Нарского и Лебиной, посвященных периоду 1920-х – 1930-х гг.

Население Российской империи существовало в условиях экстремальной повседневности начиная с 1914 г. Первая мировая война, мобилизации мужчин на фронт, стремительное обнищание гражданского населения, особенно солдатских семей, – все это приводило к необходимости как-то выживать в сложившихся условиях. Однако до 1917 г. использовались, скорее, легальные стратегии выживания: подработки, обмен продуктов на вещи и/или деньги (менка), возделывание огорода. После Октябрьской революции 1917 г., начала Гражданской войны и, как следствие, фактически узаконенного террора «всех против всех» люди были вынуждены изыскивать новые стратегии выживания. И хотя в разных регионах РСФСР использовался разный набор подобных практик и стратегий, мы можем выделить несколько особо распространенных стратегий выживания, применявшихся на территории новообразованной республики.

Подобные стратегии выживания, на наш взгляд, можно разделить на несколько групп: *универсальные* (использовавшиеся гражданами РСФСР независимо от пола и возраста) и *гендерноориентированные* (использовавшиеся преимущественно женщинами или мужчинами). Нет смысла останавливаться на *асоциальных* стратегиях выживания – кражах, попрошайничестве, разбое и т.д. – гораздо больший интерес представляют те стратегии выживания, которые были сформированы в условиях Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны или получили наибольшее развитие в данный период и впоследствии были использованы в других экстремальных ситуациях: голоде 1931–1933 гг., нахождении в условиях оккупации во время Великой Отечественной войны и др.

К универсальным стратегиям выживания можно отнести следующие:

Психологическое приспособление к условиям постоянной смены политических режимов (Урал, Сибирь, Дальний Восток). Согласно классификации, предложенной Нарским, население по избранным стратегиям психологического и идеологического приспособления делилось на три группы: «активистов» (сотрудничали с теми или иными властями или боролись с ними, а также шли в организованную преступность), «попутчики» (старались дистанцироваться от любого режима, переждать его, в нужный момент сделаться незаметными, чтобы спасти себя и близких) и «аутсайдеры» (маргиналы, лишившиеся дома и источника дохода и/или преследуемые новой властью в силу принадлежности к т.н. «бывшим»).

Обмен продуктов на вещи или товары широкого потребления был широко распространен в качестве натурального обмена между городом и деревней. В качестве «валюты» чаще всего выступали предметы роскоши и товары широкого потребления (мыло, спички, керосин и др.). Данная стратегия чаще всего применялась «бывшими», не имев-

шими источника денежного дохода, и рабочими, получавшими зарплату продукцией, выпускаемой на заводах.

Переезд из города в деревню. Чаще всего подобная стратегия выживания, описанная в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», применялась жителями Москвы и Петрограда, оказавшимися в особенно тяжелом положении из-за отсутствия снабжения.

Оборона и самооборона жилищ. Для этого создавались домовые комитеты, нанимавшие охрану или организовывавшие дежурства своими силами. Еще одной пассивной техникой выживания, идущей в связке с данной стратегией, может считаться политика невмешательства во все, что происходит за пределами квартиры. Свет гасили пораньше, старались не вмешиваться, даже если звали на помощь, не задерживались по дороге домой и т.д. Широкое распространение нелегального оружия приводило к тому, что окна приходилось заколачивать фанерой, а двери – всячески укреплять.

Гендерноориентированные стратегии выживания представлены следующими практиками:

Совокупность методик по сбережению пищи (консервирование, приготовление суррогатов, использование экстраординарной рецептуры). Условия экстремальной повседневности в указанный период требовали от населения не только умения «достать» пищу, но и формирования навыков по её сбережению и растягиванию на как можно более долгий срок. Помимо урезания объемов потребляемой пищи, имело место и консервирование, копчение, приготовление полуфабрикатов, издавна считавшиеся женской задачей.

Людоедство и трупоедство, распространившиеся в голодающих районах в 1921–1922 гг. Поеданию человечины предшествовало длительное присутствие мяса в рационе крестьян, чаще всего жертвами людоедов становились беспомощные члены общины – дети и старики. Крестьянское сознание допускало убийство слабых для выживания дееспособных членов общины, при этом Нарский отмечает следующий момент: мужчины убивали и ели людей, будучи не в своем уме. Для женщин же убийство – в первую очередь своих детей младшего возраста – было расчетливым, продуманным шагом. Таким образом, они избавляли себя и детей от ненужных страданий (медленной голодной смерти детей и моральных мучений матери, наблюдающей за их умиранием и не имеющей возможности помочь), сохраняя жизнь себе и другим членам семьи.

В тех регионах, где присутствовали иностранные военные части или иностранные миссии помощи (Архангельск, Сибирь, Дальний Восток), наблюдается четвертая специфическая гендерная стратегия выживания – брак с иностранцем, целью которого было покинуть Россию и обрести за рубежом определенный уровень комфорта. Однако иностранцы, охотно крутя роман с местными красавицами, крайне редко женились на них. Так, только 1 из 10 офицеров АРА – Американской администрации помощи – женился и увёз с собой русскую жену.

Ещё одной специфически гендерной стратегией выживания, правда, на сей раз мужской, стала смена фамилии при вступлении в брак. Семейный кодекс 1918 г. впервые разрешил супругам не только оставаться при своих фамилиях, но и брать в качестве общей фамилию жены. Этим воспользовались некоторые мужчины, принадлежавшие

либо к «бывшим», либо к «неправильным этносам» (чаще всего евреям), чтобы скрыть свое происхождение и получить возможность устроиться на службу или поступить в университет.

Проституция, как организованная, так и подсобная. Хотя официальное закрытие борделей Временным правительством в 1917 г. привело к временному исчезновению официальной проституции, само явление никуда не делось. На оккупированных белыми войсками и интервентами территориях бордели существовали вполне легально. Там, где их не было, женщины принимали клиентов у себя на квартире, в банях, гостиницах, подсобках, а иногда прямо под открытым небом. Телом можно было «выкупить» продуктовую карточку, дрова, еду, а иногда и жизнь любимого человека. Отдельно стоит отметить проституцию малолетних сирот, не знавших и не имевших другой возможности для заработка.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что в условиях вначале Первой мировой войны, а впоследствии – революций 1917 г. и Гражданской войны, с их культом «сильного человека» и «комиссародержавием» население было вынуждено изыскивать разнообразие способы приспособления и выживания в условиях военной, экстремальной повседневности. И хотя мы перечислили далеко не все применявшиеся в данный исторический период стратегии выживания, следует отметить, что чаще всего данные стратегии комбинировались, варьировались и использовались в зависимости от того, какой психологический тип приспособления – активист, попутчик или аутсайдер – демонстрировал индивид. Все вышеописанные стратегии впоследствии применялись и в 1930-х гг., и в годы Великой Отечественной войны, и в 1990-е гг., что дает нам основание считать их универсальными стратегиями выживания населения Российской империи/РСФСР/Российской Федерации.

Дударёнок С.М.: Уважаемые коллеги! Хотелось бы остановиться еще на одной важной проблеме – вероисповедной политике государства, которая претерпела значительные изменения в ходе революционных преобразований.

Февральская революция 1917 г. во многом изменила существующие религиозные порядки в России. Временное правительство, формируя свою программу реформ государственно-церковных отношений, исходило из убеждений, что прежний их характер объективно изжил себя. В одной из записок Департамента духовных дел Министерства внутренних дел в адрес правительства об этом было сказано вполне определенно: «Падение старого государственного строя привело к необходимости коренного пересмотра всех существующих в России вероисповедных отношений. Старый строй не признавал полной свободы совести и исповедания. Он не допускал свободы вероисповедных переходов, свободы религиозной пропаганды, равенства всех религий и культов перед законом. Новый государственный строй возвестил о начале полной религиозной свободы. Этому началу противоречит существующее положение церковей и религиозных обществ в России, унаследованное от старого порядка. Явилась необходимость коренной реорганизации этого положения».

Принимая такую оценку и исходя из того, что Российское государство отныне не есть «христианское», а есть – «внеконфессиональное» государство, Временное правительство через обер-прокурора

намеривалось провести следующие меры: объявить амнистию всем, кто был осужден по «религиозным делам»; отменить вероисповедные, тесно переплетавшиеся с социальными и национальными, ограничения; обеспечить равенство религий, а также граждан независимо от их отношения к религии; отменить обязательное преподавание в государственных учебных заведениях Закона Божьего; передать в ведение министерства народного образования церковно-приходские школы; снять ограничения на деятельность старообрядческих, католических, протестантских и иных религиозных объединений.

Абсолютное большинство политических партий России, имевших значительную поддержку во всех слоях общества, также в своих программных документах высказывались за строительство светского государства, осуждая прежнюю «религиозную политику» в Российской империи. Отсюда требования: отделения церкви от государства и школы от церкви; национализация церковно-монастырской собственности; равенство граждан независимо от их отношения к религии и религиозных организаций; отказ от государственного субсидирования деятельности конфессий; признание за гражданами права на вневероисповедное состояние.

В вероисповедной политике Временного правительства четко просматриваются два этапа. Первый этап охватывает период с февраля по июнь 1917 г. В этот период Временное правительство стремилось к построению в России внеконфессионального государства. Была объявлена амнистия по религиозным вопросам: из тюрем и ссылок освобождались тысячи ранее осужденных протестантов, католиков, униатов, старообрядцев. 20 марта было принято Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», провозгласившее равенство граждан в социально-экономической, политической и вероисповедной областях. Постановление отменяло «ограничительные статьи» уголовно-административного законодательства в отношении неправославных граждан и объединений. В середине июля 1917 г. Временное правительство пришло к убеждению, что следует переходить от простого отказа от норм религиозного законодательства царского времени к разработке самостоятельных вероисповедных проектов. Одним из принципиальных актов этого времени стало постановление Временного правительства «О свободе совести», принятое 14 июля 1917 г.

В этом Постановлении государство заявляло, что каждому гражданину обеспечивается свобода совести, и все граждане обладают равными правами независимо от отношения к религии. Кроме того, определялся порядок «принадлежности» несовершеннолетних к вероисповеданиям и порядок их возможного перехода из одного вероисповедания в другое. Впервые, пусть и не совсем внятно, признавалось право граждан и на вневероисповедное состояние.

Реализация вероисповедной политики Временного правительства пала на плечи вступившего на пост обер-прокурора (впоследствии первого российского министра исповеданий) Карташова. В своей деятельности он руководствовался кадетской программой «по религиозному вопросу». Она подразумевала строительство светского государства, но с сохранением определенных «близких» отношений между государством и Православной церковью, некоторого покровительства со стороны государства в отношении её. В этом случае «отде-

ление» трактовалось только как «отделение Православной церкви от государства» и не предусматривало провозглашение равенства всех религий перед законом. Реалии сегодняшнего дня явно демонстрируют подобные тенденции в вероисповедной политике государства, что уже привело к конфликтным ситуациям и росту православного фундаментализма.

Предложенное Временным правительством «новое видение» сущности вероисповедной политики было воспринято в обществе неоднозначно. Неправославные религиозные объединения расценивали новый курс как возвращение к временам существования «особых» (привилегированных) отношений государства и Церкви, что неминуемо отрицательно должно было сказаться на положении всех иных религиозных объединений.

Временное правительство свое «новое отношение» с Православной церковью объясняло тем, что предложенный курс способен помочь избежать конфликтов в государственно-церковных отношениях. Карташов в ответ тем, кто обвинял его в отходе от принципа равенства религиозных объединений, разъяснял, что, будучи «русским, национальным», правительство должно относиться к Православной церкви как «исторически-первенствующей среди других исповеданий в русском государстве».

Представителей неправославных объединений успокаивали, что государство и впредь будет руководствоваться принципом свободы совести и обеспечит свободу вероисповеданий. Это подтверждалось ссылками на внесенные изменения в такие акты, как: Законы о состоянии, Положение об инородцах, Положение о наказаниях уголовных и исправительных, Устав гражданского судопроизводства, Устав о воинской повинности, Уставы иностранных вероисповеданий. Были отменены наказания за вступление в брак лиц христианского исповедания с иноверцами; писание икон, изготовление крестов и торговлю ими нехристианами; устранялись запреты на усыновление лиц христианского исповедания нехристианами и наоборот; наследование нехристианами предметов христианского культа; принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианского исповедания без разрешения министра юстиции; политическую пропаганду римско-католического духовенства; отменены были ограничения на строительство синагог и мечетей.

Однако этих изменений было явно недостаточно. Последующие события показали, что Временному правительству не удалось согласовать интересы различных религиозных объединений и предложить приемлемый для всех религиозных организаций курс вероисповедных реформ.

«Новый курс» не спас Временное правительство от сложнейшей коллизий и в отношениях с Православной церковью. Одна из них была связана с дилеммой относительно судьбы церковно-приходских школ: сохранить ли их в ведении Церкви при одновременном продолжении государственного финансирования их деятельности, либо передать их в ведение Министерства образования.

В церковной среде большинство высказывалось за сохранение церковно-приходских школ. Ожесточенный спор вокруг «школьного вопроса» проходил на заседаниях Всероссийского съезда духовенства и мирян, проходившего с 1 по 11 июня 1917 г. в Москве. Точку в этом

споре поставило Временное правительство, которое своим решением от 20 июня передало в ведение Министерства народного просвещения все школы, содержащиеся на государственные средства, в том числе и около 37 тыс. церковно-приходских и церковно-учительских школ.

Против этого решения выступил Синод, который в определении от 3 июля отметил, что насильственное отнятие школ у Православной церкви ставит ее из «первенствующего» положения в состоянии наиболее, сравнительно с другими вероисповеданиями, обездоленное, а данный акт признавался не только несправедливым, но и нарушающим законы.

В тесной связи с судьбой церковно-приходской школы был и вопрос о преподавании Закона Божьего в государственной школе. Государственный комитет по народному образованию принял временное положение о преподавании Закона Божьего в учебных заведениях Министерства народного образования. Согласно ему во всех заведениях, кроме высших, должна быть обеспечена возможность обучаться Закону Божьему, но непрохождение данного предмета не ограничивает прав учащихся. Частным же лицам и обществам предоставлялось право открывать учебные заведения без преподавания Закона Божьего.

В прессе отмечался компромиссный характер принятого документа; подчеркивалось, что государство не выполняет своих обещаний о «полной светскости народного образования»; раздавались требования «удалить раз и навсегда из государственной школы Закон Божий».

Можно сделать вывод, что июль-август 1917 г. стал периодом утраты Временным правительством инициативы в разрешении «религиозного вопроса». Многие из ранее обещанных «религиозных свобод» не реализовались, а принятые решения буксовали в аппаратной «трясине». Нарастало ощущение, что правительство утратило некий стратегический ориентир в вероисповедных реформах. Дрейф Временного правительства в сторону возрождения союза с Православной церковью, которая так и не была в правовом отношении «отделена от государства», при отказе учитывать многообразие интересов других религиозных организаций, воспринималось как свертывание реформ в сфере государственно-церковных отношений. Правительство явно недооценило напора масс, требовавших радикализации вероисповедной политики, то есть реального отделения церкви от государства, обеспечения действительного равенства религиозных объединений, полной национализации церковно-монастырской собственности, введения гражданской метрикации, изъятия из программ государственных учебных заведений Закона Божьего, освобождения Церкви от каких-либо государственных функций, признания за гражданами и вневероисповедного состояния, прав неверующих.

Неудачи вероисповедных реформ Временного правительства во многом были предопределены объективными обстоятельствами. В условиях тогдашней России трудно было демонтировать сложившийся механизм национально-государственного управления, в котором господствующая религия вместе с религиями «терпимыми» были существенным и совершенно необходимыми составляющими. Религиозные скрепы были важнейшим фактором существования многонациональной империи, стержнем ее национального устройства. Демократизация вероисповедных отношений, последовательное

проведение принципов свободы совести означали бы отказ от этого существенного элемента регулирования национальных отношений. Допущение свободных от государственной опеки религиозных обществ и свободного в своем религиозном самоопределении гражданина подорвало бы старую систему национально-государственного управления. Этого, конечно, не могло быть допущено без радикальных изменений в существующем строе. Поэтому итог реформ вероисповедного законодательства Временного правительства во многом был закономерен.

Кардинальные изменения в вероисповедной политике российского государства связаны с приходом к власти большевиков. Первые декреты Советской власти кардинально изменили положение Православной церкви и других религиозных организаций. Так, декрет «О земле» передавал в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов все монастырские и церковные земли; «Декларация прав народов России» так же, как и обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» отменяли все национальные и религиозные привилегии и ограничения, деление религий на «господствующие», «терпимые» и «нетерпимые». Декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» изымали из монопольного ведения церкви эти вопросы, церковный брак отныне не имел юридической силы, а взаимоотношения между супругами регулировались государственными законами.

11 сентября 1917 г. Совнарком принял постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению». В нем впервые официально сообщалось о подготовке декрета об отделении церкви от государства. Тогда же была образована специальная комиссия в составе: Луначарского – наркома просвещения, Стучки – наркома юстиции, Красикова – члена коллегии Народного Комиссариата Юстиции, Рейснера – известного юриста и Галкина – священника, которая уже к концу декабря 1917 г. подготовила проект декрета, который был опубликован в газете «Дело народа».

19 января 1918 г. проект был рассмотрен и одобрен коллегией Народного Комиссариата Юстиции (Наркомюста) и на следующий день представлен в Совет Народных Комиссаров (Совнарком) на утверждение. 20 января 1918 г. он был изучен Лениным, который внес в него ряд важных поправок и дополнений, и в тот же день утвержден Совнаркомом.

21 января декрет публикуется в газетах «Правда», «Известия», 23 января – в официальном органе «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства», 26 января – в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», но уже под названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Это название и дата 23 января 1918 г. как дата его принятия утвердились в официальных документах и в литературе.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также статья 13 новой Конституции, принятой 10 июля 1918 г., гарантировавшая свободу как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды, давали неправославным верующим небывалые по сравнению с царской властью возможности для проповедования своих идей на

¹² Эрика Викторовна Осипова, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН.

всей территории страны, в том числе и на территории российского Дальнего Востока, и определяли отношение государства и религиозных организаций вплоть до принятия 8 апреля 1929 г. Президиумом ВЦИК постановления «О религиозных объединениях», в котором в значительной степени были урезаны права религиозных организаций в сравнении с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Осипова Э.В.¹²: Уважаемые коллеги! Революция, открывшая новую эру всемирной истории, положила начало и новому периоду развития художественной культуры, которая, оказавшись в руках большевиков, изменила социальное и эстетическое предназначение искусства. После победы социалистической революции культурное строительство назвали третьим фронтом. Однако и в пределах этого третьего фронта жизнь определила внутреннюю последовательность.

Одна из важнейших задач культурной революции была сформулирована в программе РКП (б), принятой в 1919 г. на VIII съезде партии: «...открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров». Применительно к театральному искусству этот пункт программы партии необходимо было понимать как стремление новой власти сделать театр общедоступным для самых широких масс трудящихся, и к моменту принятия программы эта задача в значительной мере в центре России была уже выполнена или, во всяком случае, выполнялась.

Приход в театр нового зрителя – одно из важных социалистических преобразований в сфере культуры. Но даже при вполне осознанном и настойчивом стремлении театров к решительным переменам в зрительных залах этого было недостаточно. Для достижения этой цели мало было научить народ читать и писать, необходимо было вплотную заняться повышением уровня культуры масс.

На длинном, неизведанном пути превращения «запасов культуры» из орудия капитализма в орудие социализма были неизбежны ошибки, заблуждения. Особенно сложно решался вопрос с кадрами как для управленческих структур, так и с творческим составом для учреждений культуры. Как известно, далеко не все приняли революцию. Значительная часть актёров бывших императорских театров, открыто враждебно встретившая свержение Временного правительства, не желала признавать новую власть и её представителей. Из этих же соображений Луначарский решительно расформировал весь бюрократический аппарат управления театрами, полагая, что чиновники не примут культурных чаяний простого народа, поставив ему на услужение такое высокое искусство.

Без особого труда большевики сломали бюрократическую машину управления искусством. Гораздо сложнее было создать принципиально новую систему руководства художественной жизнью. В январе 1918 г. нарком просвещения встретился с коллективами бывших императорских театров. Эти контакты укреплялись, приобретали различные формы. Вскоре бывшие императорские (переведённые в ранг государственных) театры начали давать бесплатные спектакли для нового зрителя.

В «Известиях» была напечатана программная статья Наркомпроса «О задачах государственных театров». В этой статье утверждалось, что художник неизбежно должен подчинить своё творчество интересам трудящихся. И что расцвет искусства возможен только в результате сознательного служения художественной интеллигенции народу.

В феврале 1918 г. при Наркомпросе начал работать совещательный Театральный совет. В июне официально учреждается Театральный отдел и определяются его функции как первого государственного органа, на который возлагалось руководство всей театральной жизнью страны. Театральный отдел был создан «для осуществления культурно-просветительных задач в области театра и зрелищ, объединения общего руководства, а также наблюдения за правильной и целесообразною постановкою всего дела, касающегося театра на 99 территориях Российской Федеративной Республики».

В марте 1918 г. принимается основополагающий документ самоуправления государственных театров – «Устав автономных государственных театров». Автономия, открывшая перспективу самоуправления, до крайности польстила актёрам бывших императорских театров, всегда страдавших от засилья чиновников. Но автономия не означала бесконтрольности: за государством, его органами и его представителями оставалось во всей полноте право непосредственного контроля в финансовых делах и в делопроизводстве.

Новая власть осознавала необходимость многообразия художественных направлений, важность свободного поиска и творческого соревнования, отказавшись от общей мерки к искусству сцены – единому революционному коммунистическому театру. Данный подход освободил сцены страны от слабых, большей частью дилетантских произведений: пьес революционного содержания (если не считать «Мистерии-буфф» Маяковского) в 1919 г. практически не было. Да и театрам нужно было время, чтобы они осознали новую действительность, чтобы у них созрела органичная необходимость обратиться к революционному репертуару, к новым темам.

Доброжелательное отношение новой власти к творческой интеллигенции высоко ценилось последними. Эта власть, бесстрашно осуществляя революционные преобразования во всех сферах жизни, проявляла в данном случае готовность терпеливо ждать, «ибо понимала, чем и как может обернуться неоправданная поспешность, административное вмешательство в тонкие процессы перестройки сознания художника».

На праздновании 30-летия Московского Художественного театра Станиславский говорил от имени старшего поколения мхатовцев: «Мой глубокий поклон за то, что, когда совершившиеся события нас, стариков, артистов Художественного театра, застали в несколько растерянном виде, когда мы не понимали всего того, что происходило, наше правительство не заставило нас во что бы то ни стало перекрашиваться в красный цвет, сделаться не тем, чем мы были на самом деле. Мы понемногу стали понимать эпоху, понемногу стали эволюционировать, вместе с нами нормально, органически эволюционировало и наше искусство. Если бы было иначе, то нас толкнули бы на простую «революционную» халтуру. А мы хотели отнестись к революции иначе: мы хотели увидеть не только то, как ходят с красными флагами, а хотели со всей глубиной заглянуть в революционную душу страны.

Этой науке, этому искусству, этому важному сознанию, которое в нас постоянно развивается, мы посвящаем свои годы».

В извещении о начале деятельности Театрального совета Наркомпроса, опубликованном в феврале 1918 г., говорилось, что Советская власть далека от мысли изгнать из театрального дела «частную инициативу, но она постарается в возможно скором будущем прекратить в ней эксплуататорство хищников-предпринимателей... Она беспощадно изгонит из храма искусства торжников и отравителей народа». При этом сохранение театрального искусства требовало от государства значительных усилий, порою казавшихся совершенно непомерными. Чтобы сберечь театры, необходимо было содержать большие труппы и непременно – театральные школы. Для государства это означало крупные и постоянные материальные затраты. Здесь нельзя было прервать финансирование ни на один день. Его можно было несколько сократить, уменьшить, но не прекратить.

В условиях, когда не хватало средств на содержание простых школ в деревне, голодная, раздетая, неграмотная республика все-таки давала старым театрам деньги. В апреле 1919 г. выходит Постановление рабоче-крестьянской обороны об учёте театральных работников в связи с поручением Театральному отделу Наркомпроса и Агитационно-просветительскому отделу Всероссийского бюро военных комиссаров срочно разработать план обслуживания рабоче-крестьянской армии спектаклями, концертами и другой, имеющей характер зрелищ культурно-просветительной деятельностью. Данное распоряжение сделало возможным предоставить сценическим деятелям отсрочку от призыва, приравнивая их к «незаменимым работникам». Это был один из самых сложных периодов в жизни республики: армия Колчака прорвала Восточный фронт и надвигалась на Казань, Самару и Симбирск. С разных сторон наступали войска Деникина, Юденича, белополяков, Миллера и отряды интервентов.

Проблема контроля в области культуры приобрела особое значение после введения новой экономической политики, когда в стране развернулась ожесточенная идеологическая борьба и были предприняты попытки использовать все средства для пропаганды буржуазной идеологии. Несколько позднее, в 1923 г., стала очевидной необходимость сконцентрировать функции государственного контроля за репертуаром в руках одного центрального органа. Специальным постановлением Совнаркома был создан Комитет по контролю за репертуаром, куда входили театрально-музыкальная и эстрадная секции. Луначарский советовался с людьми, составляющими гордость русского театра, пробовал работать с ними через убеждение. Участие в особом совещании Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Таирова, Южина и др., деловой, свободный обмен мнениями, с другой стороны, явились для них своего рода школой гражданского, политического воспитания.

Общими усилиями сохраняя завоевания культуры, профессионалы должны были определить, что действительно является классическим художественным наследием, должным полноправно войти в духовную жизнь нового общества и занять в ней достойное место. Одновременно предстояло использовать то, что не относилось к классическому наследию, но без чего в данный момент общество обойтись

не могло, дабы не прервать или искусственно не обеднить духовную жизнь до той поры, пока созреет, сформируется новая культура.

Если центральные и некоторые крупные города сибирской части России к приходу большевистской власти имели уже сложившуюся театральную культуру, с устоявшимися сценическими традициями, с сформировавшейся актёрской школой, с различного уровня частными антрепризами и мощными высокопрофессиональными театральными домами, которые в силу данных обстоятельств оказались «в поле столкновения» старой и новой эпох, то театральная жизнь дальневосточных городов, несмотря на включённость в единую общероссийскую провинциальную систему, обладала целым рядом специфических особенностей. Именно региональным явлением назвала исследователь театра А. В. Шавгарова дальневосточный театр по той причине, что он проходил идентичные этапы развития «в непохожих городах по сходному принципу». Иными словами, в основании дифферента, который образовался в театральной жизни различных городов Дальнего Востока, лежал исключительно временной признак.

Социокультурная ситуация в крупных городах Дальнего Востока (Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске) в послереволюционные годы характеризовалась несколькими взаимодействующими факторами: хорошим результатом подготовленной культурной почвы на предыдущем историческом этапе, «взрывом» демократизации, революционным раскрепощением всех социальных слоёв населения, возросшей активностью творческих деятелей, многие из которых прибыли из центральных городов России вследствие военно-политических событий, а также из эмиграционных центров Китая. В условиях Первой мировой и Гражданской войн театральное дело в городах юга Дальнего Востока находилось в частном владении, обременённом налогами и полной зависимостью от состоятельной публики. Хотя театральная жизнь здесь до начала XX в. в основном состояла из выступлений сменявших друг друга многочисленных антреприз и товариществ, не задерживавшихся долго на одном месте, всё же можно выделить ряд лиц, чья антрепренёрская деятельность на протяжении многих лет оставалась связанной с регионом. Одним из первых организаторов театрального дела на дальневосточной окраине был владивостокский купец Иванов (кафе-шантан «Калинка» при гостинице «Ориенталь»); развитие музыкального театра на рубеже XIX–XX вв. было связано с именами И. Яворского и К. Мирославского, занимавшихся ещё и организацией гастролей на Дальнем Востоке; драматические и музыкальные спектакли ставили антрепренёры Арнольдов и Долин; опереточно-драматические труппы в Благовещенске возглавляли поочерёдно Станиславская и Северская-Сигулина и многие другие. Событием в театральной жизни Владивостока стало открытие под влиянием идей МХТ в 1903 г. Общедоступного театра, дело возглавила Нинина-Петипа.

Владивосток, Хабаровск и Благовещенск отличались не только уровнем социально-экономического развития, но и преобладанием потенциального зрителя: здесь были и представители иностранных компаний, и торговцы, и предприниматели, и крупные промышленники и др. Эта безбедная публика в большинстве своём «тянулась к лёгким жанрам», т.е. зрительская публика диктовала спрос на художественную продукцию. Эта особенная аура культурной жизни го-

родов оказалась весьма органичной и вполне приемлемой в условиях буржуазно-демократического буферного государства, в условиях так называемой Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Благодаря этой политической сделке революционные преобразования в культурной жизни региона, несмотря на большевистское присутствие, были отодвинуты на целых два года.

В правительстве ДВР не было создано специальных структур, которые занимались бы регулированием художественной сферы, позаботились бы о его законодательных основах. Культурно-эстетический и финансовый потенциал театрального дела в регионе продолжал держаться на многочисленных профессиональных и любительских коллективах. Пролетарская власть оказалась «на задворках», а конституция ДВР предоставила право заниматься театральной деятельностью частному капиталу. Поэтому в городах Дальневосточной республики, за некоторым исключением, в основном господствовала частная коммерческая антреприза. Контроль со стороны государства ограничивался наложением налогового бремени и пристальным слезением за аккуратным исполнением данного обязательства.

Территории, входившие в состав ДВР, были неравнозначны по соотношению в них противоборствующих сил, отсутствие политико-экономического единообразия делало невозможным объединение всех этих территорий под единой властью. Республика походила на бело-красное «лоскутное одеяло». Произшедший в мае 1921 г. белогвардейский переворот ещё более осложнил ситуацию. Естественно, что политическая обстановка в конкретном дальневосточном городе способствовала или, наоборот, препятствовала нормальному функционированию театров всех форм (больших и малых, профессиональных и любительских). В Чите, в части Сахалина и на Камчатке, где власть практически оказалась в руках Советов, несмотря на официально признанный буржуазно-демократический статус, функционеры демонстративно отказывались от культурного наследия прошлого. Классовый подход толкал большевиков на политические перегибы, на принятие порой абсурдных, ничем не обоснованных запретов.

Так, в Петропавловске-Камчатском учащимся театральной студии запретили ставить на сцене «Горе от ума», посчитав пьесу «буржуазным пережитком». Учащимся Читинского музыкального техникума запретили ставить «Евгения Онегина» как «вредную для советского зрителя», более того, рекомендовали заняться «перевоспитанием преподавателей, участвующих в подготовке этого спектакля».

Единственный в ДВР Государственный театр революции с залом под названием «ИСКУССТВО» (название образовано благодаря очень популярной в те годы аббревиатуре) функционировал в Чите. В основе рецензий на спектакли, проходившие на его сцене, лежит строго классовый подход.

Во Владивостоке, Благовещенске и Хабаровске – ведущих культурных центрах региона – тон культурно-развлекательной части жизни задавали представители старых взглядов, которые не могли отказать себе в удовольствии поглумиться над советской властью, иногда в скрытых аллегориях, иногда довольно откровенно. Так, на театральных сценах появились лубки «Карьера Краснощёкова», «Революция на Олимпе», «Перелёт Москва-ДВР» и др.

Таким образом, политический статус отдельной дальневосточной области, входившей в состав ДВР (Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской областей и Северного Сахалина) представлял или исключал политический компромисс в сценическом искусстве. В целом на территории дальневосточной окраины России с победой Октябрьской революции сложилась уникальная ситуация, когда мы можем утверждать благоприятные условия для постепенного перехода от буржуазного искусства к новому, пролетарскому. Несмотря на то, что после падения буферного государства, пришедшие на смену капиталистам-антрепренёрам «революционные романтики» апогеем проводимой ими перестройки сделали борьбу революционной массовой культуры с «нэпорылым индивидуализмом» (доходя до крайностей, требуя порой исключения из репертуаров «старья», а именно классики), мы можем утверждать, что в регионе для культурных преобразований, а именно для утверждения здесь советской театральной системы, была подготовлена соответствующая почва, настолько богата оказалась театральная жизнь в предшествующие годы революции и в первое пятилетие после её победы.

Рассматриваемый период в искусствоведческих, исторических, культурологических трудах вполне справедливо рассматривается как отдельный и особый, рубежный этап истории Дальнего Востока. Театральная культура только на пути к советизации, большевистские преобразования, заметно задержавшись, приводят её сначала к разнообразным конструктивистским разработкам в области массовой культуры и лишь затем к традиционным ценностям русского классического театра. Революция властно определила сложный, чрезвычайно интенсивный процесс внутренней перестройки всей художественной жизни страны, включая театральную сферу.

Белоглазова С.Б.¹³: Уважаемые коллеги! Своим выступлением я хочу привлечь внимание к вопросу частному, но не менее важному. Никто не будет спорить с тем, что образование является важным фактором формирования национально-культурной и гражданской идентичности, основным источником социализации личности и развития человеческого капитала. Бесспорно, однако, и то, что современное состояние отечественной системы образования вызывает в нашем обществе неоднозначные оценки. Ретроспективная рефлексия по поводу итогов современной реформы образования усиливает интерес к переосмыслению исторического феномена советской школы, актуализирует обращение к историческому опыту реформ национальной системы образования.

Сложившаяся в советский период исследовательская традиция увязывала советскую реформу российской школы первой половины 1920-х гг. исключительно с преобразованиями советской власти, противопоставляла её дооктябрьскому периоду и отрывала от связанных с ней событий предшествующих лет. С начала 2000-х гг. историки активизировали изучение реформы образования в предшествующее Октябрьской революции десятилетие, но опять-таки на основе традиционного противопоставления имперского и советского этапов.

Проведенные нами исследования проблемы преемственности советской школьной реформы и предшествующих ей реформ (озвученные автором на конференциях и в публикациях в 2014–2017 гг.) послужили основанием для настоящего выступления, подготовленного

¹³ Светлана Борисовна Белоглазова, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока ИИАЭ ДВО РАН.

с целью привлечь внимание исследователей к необходимости пересмотреть сложившуюся традицию *методологического* разрыва в изучении истории образования имперского и советского периодов. Речь пойдет о преемственности реформы образования графа Игнатьева (1915–1916), реформы, подготовленной Государственным Комитетом по народному образованию при Временном правительстве 1917 г., и последовавшей за Октябрьской революцией советской школьной реформы.

Известный своими либерально-демократическими взглядами Павел Николаевич Игнатьев возглавил Министерство народного просвещения в начале января 1915 г. С его именем связана попытка коренной реформы национальной системы образования, необходимость которой диктовалась перспективами индустриального развития страны.

Собственно, стратегия реформы предполагала: 1) переход к *Единой школе*, построенной на основе *преемственности* начальной и средней школ; 2) привлечение общественности к управлению образованием и введение школьного самоуправления; пересмотр учебных программ и 3) перестройку учебно-воспитательного процесса на основе трудового воспитания и обучения.

Согласно планам реформаторов, Единая школа должна была стать *семилетней*, состоящей из двух *преемственно связанных* между собой ступеней: I (начальная) ступень с трёхлетним и II (средняя) – с четырёхлетними курсами обучения. К I-й ступени обучения относились 1–4 классы народной школы, 1–3 классы ВНУ и 1–3 классы гимназии. При этом высшее начальное училище рассматривалось как оптимальный тип учебного заведения для школы I ступени и наиболее подходящий для перехода на II ступень, с бифуркацией (разделением) средней школы на три направления: гуманитарно-классическое, реальное и новогуманитарное. Концепция бифуркации означала, что традиционная классическая гимназия как основной тип среднего учебного заведения в России утратила своё прежнее значение.

Таким образом, Единая школа унифицировала национальную систему образования на основе замещения школ разного типа *единым типом* образовательного учреждения. С её введением *все уровни* образования, от начального до высшего, становились доступными для *всех* сословий российского общества, а традиционная сословная структура национальной системы образования, не обеспечивавшая равенства образовательных возможностей для всех, нарушавшая права человека на доступность образования и препятствовавшая индустриализации России, упразднялась.

Что же касается модернизации содержания образования, то бифуркация школы II ступени предусматривала существенное сокращение часов на преподавание древних языков в гуманитарно-классической гимназии и отсутствие их в программах новогуманитарной и реальной гимназий. Предметы в Единой школе впервые поделили на образовательные (Закон Божий, русский язык, математика, история, география, естествоведение) и *воспитательные* (рисование с черчением, пение (и музыка), физические упражнения: гимнастика, танцы, ручной труд). При этом в основу учебно-воспитательного процесса был положен принцип трудового обучения.

В 1916 г. Государственная дума поддержала разработанные министерством Игнатъева основные законопроекты школьной реформы: «Закон о средних общеобразовательных училищах Министерства народного просвещения», «Положение о гимназиях», «Об учреждении четырехклассных гимназий и трехклассных реальных училищ», «Об учреждении мужских гимназий и реальных училищ в составе только старших классов», которые не получили дальнейшего продвижения в правительстве. Следовательно, реформа средней школы осталась тогда не реализованной.

Не получили продвижения и программно-методические материалы для школ I ступени: Временные программы для начальных школ, разработанные специальной подкомиссией по начальному образованию при Учебном отделе Общества Распространения Технических Знаний (1915 г.), и Временные программы для высших начальных училищ, утвержденные в министерстве Игнатъева 17 августа 1916 г. Данные программы принципиально отличались от действовавших в России с 1897 г. учебных курсов тем, что традиционная предметная группировка учебного материала заменялась распределением его по четырём комплексам: 1) Физика и Химия, 2) Землеведение, 3) Ботаника, 4) Зоология. Между ними поддерживалась логическая связь, и отдельные знания взаимно дополняли и поясняли друг друга. «Закон Божий» позиционировался как дисциплина по выбору и по заявлениям родителей ученики освобождались от его изучения.

Уход Игнатъева в отставку с поста министра народного просвещения (27 декабря 1916 г.) даёт основание части специалистов оценивать его реформу как нереализованный план, не имевший исторической перспективы. Однако конструктивные идеи его реформы и программно-методические материалы легли в основу реформы образования после Февральской революции 1917 г.

Сравнение содержания такого документа, как «Руководящие положения, принятые Государственным комитетом по народному образованию, при разработке вопросов о реформе народного образования» (от 06 июня 1917 г.), показывает, что при его подготовке были использованы положения реформы Игнатъева. В частности, перечень мероприятий при проведении реформы, предложенных Государственным Комитетом, включал: 1) создание Единой школы, с преемственностью всех её ступеней; 2) разгосударствление образования, привлечение общественности к управлению образованием и введение школьного самоуправления; 3) предоставление местному самоуправлению обширных полномочий в школьном деле; 4) признание религии частным делом граждан, вследствие чего её преподавание в школе становилось необязательным; 5) гарантия равенства прав всех граждан на образование, доступность и бесплатность школы, отмена всех сословных, национальных, конфессиональных и прочих ограничений; 6) обеспечение всеобщего и обязательного начального образования, 7) введение совместного обучения девочек и мальчиков.

На основании «Руководящих положений...» Государственный Комитет за 5 месяцев своей деятельности разработал свыше сорока отдельных законопроектов, проектов циркулярных распоряжений Министерства просвещения и проект организации Всероссийского государственного совещания по народному образованию. Эти доку-

менты были переданы в Министерство народного просвещения, но так и не поступили на рассмотрение Временного правительства. Поэтому к началу учебного года комплекс мероприятий «Руководящих положений...» был реализован далеко не полностью: упразднены учебные округа, отменено обязательное ношение формы и знаков отличия, приняты решения о введении самоуправления в учебных заведениях и реформе правописания, отделения школы от церкви и введении временных программ для начальных школ.

После Октябрьского переворота наработки предшественников были использованы большевиками при подготовке Декрета ВЦИК от 16.10.1918 г. «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положения)», на основании которого в РСФСР была запущена советская школьная реформа. Известно, что нарком просвещения в правительстве большевиков Луначарский некоторое время работал в составе Государственного комитета по народному образованию при Временном правительстве в качестве делегата от Всероссийской организации Профессиональных союзов.

Из имеющихся в распоряжении автора материалов видно, что на территории Тихоокеанской России изменения в системе образования начались во время реформы П. Н. Игнатьева. При этом местом локализации реформы стали ведомственные школы на линии Уссурийской и Китайско-Восточной железной дороги.

По данным руководителя Учебного отдела КВЖД Борзова, в 1915–1916 гг. 14 ведомственных училищ были преобразованы в школы повышенного типа, соответствующие I ступени Единой школы; к началу 1917 г. их число достигло 22. После Февральской революции школьная реформа на КВЖД была продолжена. Начались первые опыты по соединению обучения с трудовым воспитанием и введению школьного самоуправления, менявшего старый иерархический принцип управления. В течение 1917–1919 г. ввели Единую школу в составе I и II ступеней; с сентября 1917 г. в ведомственных учебных заведениях стали заниматься по временным программам для начальных школ, принятым в 1915–1916 гг., адаптация которых к учебному процессу завершилась к 1923 г.

На Дальнем Востоке и в Забайкалье, вследствие сложившейся здесь военно-политической обстановки, структурирование общеобразовательной школы в соответствии с Положением о Единой трудовой школе РСФСР происходило с разной степенью интенсивности в 1918 и 1920–1923 гг. В итоге была создана Единая, общедоступная, бесплатная школа в составе двух ступеней. Во всех классах школ I ступени вводилось совместное обучение девочек и мальчиков.

В процессе разгосударствления системы образования в управление школой вовлекались общественные организации (Советы народного образования, Советы Школ, Родительские Комитеты), получившие довольно обширные полномочия. Повсеместно вводилось школьное самоуправление и поощрялось в развитии ученической самостоятельности путем создания различных общественных организаций.

Демократическая перестройка структуры образования де-факто снимала социальные ограничения в получении доступа к образованию для всех граждан, активизировала социальную мобильность советской школы. В перспективе подготовка специалистов из бывших

непривилегированных сословий, начала играть решающую роль в структурировании советского общества.

Целью первой реформы школы в Советской России провозглашалось воспитание человека новой эпохи, что, в частности, определило тесную связь советской системы образования с идейно-политическим компонентом. Новые идеи транслировались в советскую школу через содержание учебных программ и учебной литературы.

Проведённый в своё время автором сравнительный анализ программно-методических материалов 1915–1916 гг. и комплексных программ Наркомпроса 1923 г. показал их взаимосвязь. Составители комплексных программ также отказались от предметного принципа подачи материала и сгруппировали его в предметные комплексы: 1) Природа и Человек, 2) Общество, 3) Труд.

Принципиальное отличие советских учебных программ от программ предшественников заключалось в дополнении естественно-научного цикла обществоведческим и политико-экономическим материалом. К примеру, в программе для школ I ступени комплекс «Природа и человек» включал элементарные знания по физике, химии, географии, ботанике, зоологии, анатомии человеческого тела. «Общество» – материалы о хозяйстве местного края, РСФСР и других стран мира, трудовой жизни семьи (крестьянской и городской). «Труд» – знания о семье и школе, общественных учреждениях города и деревни, государственном устройстве СССР и других стран, истории родного края, страны и человечества.

С февраля 1923 г. вводился небольшой курс политминимума. Новые учебные программы по обществоведению состояли из разделов по истории Запада, русской истории, марксистской политической экономии и современности. Раздел «Современность» включал марксистское учение о государстве диктатуры пролетариата и основах экономической политики большевиков. В данном контексте советские комплексные программы можно рассматривать как модифицированные на основе положений «Декларации о Единой трудовой школе» «Временные программы...» П.Н. Игнатьева.

В дальневосточные школы комплексные программы Наркомпроса поступили в 1923/1924 учебном году. Учебный материал этих программ организовывал восприятие новой действительности и задавал возможную рамку повседневных действий, формируя новую (советскую) самоидентификацию личности. И если франко-прусскую войну выиграл прусский учитель, то Великую Отечественную войну – советский.

В целом основные направления советской реформы школы в первой половине 1920-х гг. совпадали с положениями реформ предшественников, но содержание образования увязывались с решением задачи формирования «нового человека», строящего социалистическое общество.

В завершение кратко акцентирую внимание на данных, опубликованных Центром научной политической мысли (Центр Сулакшина). В сентябре 2015 г. специалисты Центра провели экспертный опрос с целью оценить результаты образовательной реформы в России. Анализ полученных статистических данных показал, что за 25 лет число общеобразовательных школ в России сократилось почти в два раза; по уровню государственных и частных расходов на образова-

¹⁴ Татьяна Альбертовна Крупа, кандидат социологических наук, доцент департамента истории и археологии.

ние, наша страна занимает девяносто восьмое место из ста пятидесяти трех возможных. Образование в современной России, включая высшее, превратилось в платную услугу. Все это можно считать результатом государственной политики в сфере образования, построенной на отрицании достижений советского опыта и направленной на разрыв преемственности в образовании.

Крупа Т. А.¹⁴: Уважаемые коллеги! Очень важно сохранять память о прошлом в сознании молодежи. В реакциях молодёжи всегда гипертрофированно отражаются основные черты общества. В уроках истории кроется предостережение. Сегодняшней молодежи важно знать, что любая революция несет раскол обществу. Происходит трагическое разделение на своих и чужих, войны, разруха, голод. Чем дальше вглубь времени уходят от нас эти события, тем более фрагментарен в сознании молодёжи образ революции, в памяти остаются только противоречивые осколки фактов.

В марте 2017 г., в год столетия Великих Русских революций, нами был проведен опрос студентов на тему «Революционный 1917 год в сознании молодёжи». Выборка состояла из 100 человек, из них 42% – юноши, 58% – девушки. Характер исследования можно считать выборочным, так как отобрано определенное количество людей конкретной социально-демографической группы, в данном случае – это молодежь в возрасте от 17 лет до 21 года. Тип выборки – гнездовая, так как случайным образом внутри ДВФУ было отобрано 4 группы студентов, объекты внутри группы обследовались сплошным образом. Территориально опрос можно считать представительным, так как в нем принимали участие студенты ДВФУ, приехавшие из разных регионов: Приморского края, Амурской области, Хабаровского края, Сахалина, Камчатки, Магадана, Якутска, Забайкалья. Предметом социологического анализа являлись суждения молодёжи о роли Февральской и Октябрьской революций в истории Российского государства. Гипотеза, сформулированная в начале исследования, имела четырёхчастную композицию: 1. Расколотость мнений молодежи в трактовке революционных событий 2. Молодёжь имеет поверхностный эмпирический уровень знаний о революциях 1917 г.; 3. Эта тема не вызывает интереса для познания, изучения; 4. Готовность к протестной активности молодёжи – средняя. Анкета состояла из 13 вопросов открытого и закрытого типов.

До настоящего времени профессиональные историки не в состоянии точно сформулировать, что произошло с Россией в 1917 г., много разноречивых оценок, полярно противоположных мнений. В советской историографии революцию обозначали как «Великая Октябрьская социалистическая революция», «пролетарская революция», «рабоче-крестьянская демократическая революция», в постсоветской оценки стали достаточно полярными, часто с отрицательным оттенком: «большевистский переворот», «великая русская революция», «революция люмпенов», «анархистский бунт» и др.

Трактовка революционных событий в понимании современной молодёжи выяснялась с помощью вопроса, на который предлагалось ответить опрошенным: «Что произошло в России в 1917 г.?» Большинство (36%) опрошенных были лаконичны – «революция», без уточнения и разъяснения её характеристик; 20% дали более точный ответ – «февральская и октябрьская революции»; 15% отмети-

ли, что произошло свержение монархии, отречение Николая II; 12% отметили, что произошла февральская революция; 14% – что октябрьская. Не все молодые люди знают, что в 1917 г. было две революции и при этом часто путают их последовательность. 3% – не знают, что произошло в 1917 г.

В дальнейшем стояла задача выяснить, какой процент опрошенных использует эпитет «Великая». 9% всех опрошенных использовали эпитет «Великая Октябрьская социалистическая революция». Нужно понимать, что современные учебники достаточно осторожны в использовании обозначения революции как великого события. 6% отметили это событие как «русскую революцию» или «великую русскую революцию». По мнению большинства опрошенных молодых людей, революции 1917 г. имеют вполне нейтральную окраску, без излишних эмоций – «в России произошла революция».

В современной литературе существует распространенное мнение, что Октябрьская революция – это событие, навязавшее стране трагический путь развития. Подобная оценка появилась в постперестроечный период, пришла в Россию из зарубежной историографии.

Безусловно, революции 1917 г. продемонстрировали расколотость российского общества, сохраняется ли она во мнениях молодёжи в начале XXI в.? В данном контексте молодым людям было предложено ответить на вопрос: *«Как вы думаете, революции, произошедшие в 1917 г. – это благо или трагедия для нашего государства, либо новый вектор развития?»*

Опрос показал, что расколотость сохраняется частично – «благом» революцию считают 16% опрошенных; «трагедией» – 15%; 49% отметили, что революция задала новый вектор развития государству. Эта часть респондентов оценила революцию как инновацию, которая задала новый вектор развития государству.

Развернутый ответ дали 20% респондентов, посчитав революцию и благом, и трагедией одновременно. Оценивание революции происходило в разных формулировках, при их идентификации можно вывести обобщающие характеристики: «идеи были благими, но методы и итог – трагедия»; «неоднозначное событие», «раскол общества», «обострение внутривластной ситуации»; «потеряли целую империю, территории»; «революция – это трагедия, но государство, которое построил Ленин – благо»; «революция принесла много смертей, но открыла новые двери». В некоторых характеристиках революции можно проследить связь истории и современности: «если бы не было революции, мы бы не жили, или были бы другими людьми».

Попытка выяснить, какими были движущие силы революции в представлении молодёжи, реализовывалась через вопрос: *«Что, по вашему мнению, подвигло людей в 1917 г. свергнуть существующую власть?»* Изначально была выдвинута гипотеза о том, что большинство респондентов не дадут ответа на вопрос из-за отсутствия достаточных знаний. Гипотеза подтвердилась только частично – 29% студентов не знают ответа на этот вопрос. Остальные 70% дали достаточно развернутые ответы, после их унификации можно выделить 4 ведущие причины революции в сознании молодёжи: внутривластные, внешнеполитические, социально-экономические, инновационные.

В сознании значительной части респондентов (24%) революция имела социально-экономические причины, смысл которых заключался в стремлении к равенству и свободе, неравенство сословий, экономический и социальный кризис, угнетение интересов народа. В сознании 20% опрошенных революции имели внутривластные причины: недовольство властью, самодержавием, неумелое, некорректное управление страной, неспособность правящей элиты. В сознании 19% молодежи – это внешнеполитический фактор: усталость от войны, отсталость от Европы, деятельность внешнеполитических врагов России. В оценке 7% опрошенных революция имела инновационную направленность: это переход на новый этап развития, реализация новых возможностей, изменение жизни в новую сторону.

Уроки 1917 г. постоянно возвращают нас в сегодняшний день. В настоящее время общество снова нуждается в поощрении социальной справедливости, в уменьшении разрыва между бедными и богатыми, в равенстве всех перед законом.

В дальнейших вопросах анкеты была осуществлена попытка выйти на альтернативы в истории. Студентам предложено ответить на вопрос: *«Как вы думаете, если бы не было революций в 1917 г., сейчас люди в России жили бы лучше или хуже?»*

У современных историков нет однозначного мнения относительно событий революции. Одни считают, что Россия свернула с цивилизационной магистрали и превратилась в восточную деспотию, другие считают революцию закономерным движением истории. В начале опроса было сделано предположение о том, что большинство отметят, что люди в России жили бы лучше, если бы не Октябрьская революция 1917 г. Однако это предположение не подтвердилось. Получились обратные результаты. 30% ответили, что мы жили бы хуже; 14% – лучше; 39% затруднились ответить; 17% имели другое мнение. «Не было бы 1917 г. – она произошла бы в другое время»; «рано или поздно революция случилась бы»; «был бы другой вектор развития, отличающийся от нынешнего»; «мир не стоит на месте, поэтому мы рано или поздно пришли бы к тому, что имеем сейчас», «в неизменном виде монархия всё равно не смогла бы существовать»; «при современных понятиях и технологиях государственный строй дореволюционной России не может существовать». Монархия действительно тогда была уже не в состоянии управлять меняющейся страной. Там, где начинают появляться машины, станки, монархия должна смениться другим строем. Это и произошло в России в 1917 г. Один из ведущих смыслов революции сводился к модернизации страны.

В глазах молодежи революция – это инновационная волна, она была объективным явлением, её нельзя было отменить, это был закономерный ход исторических событий. Но нужно помнить и о том, что в начале XX в. массы неокрепших умов разрушили немало государств, поэтому в настоящее время, чтобы предотвратить повторный виток истории нужно направлять энергию молодежи в нужное русло.

Следующий блок анкеты предполагал анализ эмпирического знания о революционном 1917 г. Студентам было предложено ответить на вопросы: *«Какие художественные фильмы о революции 1917 г. вы видели?»* и *«Какие художественные произведения о революции 1917 г. вы читали?»* Предположение состояло в том, что большинство студентов не видели фильмов о революции. Многие социологические

опросы констатируют, что молодежь не смотрит телевизор. В кинотеатрах не демонстрируют фильмы о революции, так как они не могут являться кассовыми. В YouTube и Инстаграмме трудно себе представить размещение полезной информации о революциях 1917 г. Предположение в целом, подтвердилось – 61% опрошенных не видели фильмов о революции; 8% – видели, но не могут вспомнить название; 31% – видели. Чаще всего в этой графе упоминали фильмы «Адмирал» и «Тихий Дон». Тематика этих фильмов имеет косвенное отношение к революции, здесь охвачен более широкий хронологический интервал – от Первой мировой до Гражданской войны. Знание фильма и романа «Тихий Дон» обусловлено тем, что произведение Шолохова входит в школьную программу. 4% опрошенных указали фильмы «Ленин в октябре» и «В дни октября». 2% отметили сериал «Романовы», имеющий очень косвенное отношение к революции. 2% отметили фильм «Батальон». Также встречались упоминания фильмов, имеющих весьма косвенное отношение к революционному 1917 г., но посвященных теме перелома человеческих судеб на грани войн и революций: «Неуловимые мстители», «Доктор Живаго», «Свадьба в Малиновке», «Красные колокола», «Белое солнце пустыни» и др.

Эмпирический уровень знания революций 1917 г. полностью не утрачен – 31% опрошенных что-то видели, хотя этот материал и опосредованно относится к революции. Но большинство (61%) не видели фильмов о революции. Современное информационное пространство не в состоянии переосмыслить события революции и преподнести ее понимание в современной интерпретации, привлекательной для молодёжи.

С чтением дело обстоит приблизительно также – 62% опрошенных ничего не читали о революциях 1917 г. Из тех, кто читал, большинство назвали произведение школьной программы Шолохова – «Тихий Дон»; 9% – «Белую гвардию» Булгакова. «Белая гвардия» входит в школьную программу по литературе, но изучается по выбору. Интересно, что минимальное количество студентов (4 чел.) указали романы «Мать» Горького и «Как закалялась сталь» Островского. Названных произведений в настоящее время уже нет в школьной программе, но все же кто-то их читал или по крайней мере что-то о них знает. Два человека отметили произведения, которые стали широко известными на постперестроечной волне «Собачье сердце» Булгакова и «Доктор Живаго» Пастернака.

Эмпирический уровень познания событий революции можно признать низким, так как более половины опрошенных (61–62%) не видели фильмов о революции и не читали о ней книг. Те произведения и фильмы, которые многие из опрошенных смотрели или читали, входят в школьную программу.

Для того, чтобы составить представление об элементарных знаниях о революционном периоде в истории России, был задан вопрос: *«Назовите известных вам исторических личностей, имеющих отношение к революциям 1917 г. в России»*. В начале опроса было сделано предположение, что большинство студентов не назовут никого. Однако это предположение не подтвердилось. Не знают героев революции – 31% опрошенных; 69% дали разные ответы. На вершине рейтинга оказался инициатор Октябрьской революции Ленин, за ним

следует Троцкий и Николай II. Другие указанные студентами личности имеют отношение скорее, не к революции, а к периоду в целом – Керенский, Алексеев, поручик Голицын (художественный персонаж), Дзержинский, Колчак, Распутин, Сталин, Деникин, Свердлов, Ворошилов, Корнилов. В общем, «тройка лидеров» данного пороса обозначена так: «Ленин – Троцкий – Николай II».

Молодежь начала XXI в., несмотря ни на что, знает и помнит Ленина. В постсоветский период много было сделано, чтобы это имя забылось – переименованы улицы, города, предприятия, носившие это имя, где-то сносились памятники вождю. Владивосток и Приморский край сохранил память о вожде революции. «То, что до сих пор цел и невредим памятник Ленину на привокзальной площади Владивостока, говорит о нашем миролюбии и толерантности». В десятках населенных пунктов сохранилась память об Ильиче. 56% опрошенных респондентов знают инициатора революции и руководителя первого советского государства. Второе место после Ленина принадлежит Троцкому (26%), личность неординарная, неоднозначная, с загадочной судьбой. Советская молодежь вряд ли бы причислила его к героям революции. А в настоящее время, видимо, интерес к этой личности только возрастает. Антипод Ленина – Николай II (13%) – оказался в числе исторических личностей, имеющих отношение к революциям 1917 г. Обстоятельства трагической потери власти и расстрел царской семьи, причислили и бывшего императора к числу «героев» революций 1917 г. в представлении молодежи. А в глазах более старшего поколения, Николай II не причисляется к героям и действующим лицам революции. Был проведен эксперимент и аналогичный вопрос задан людям другого поколения, рожденным в 1970-е гг. «Тройка лидеров» выглядела немного иначе: «Ленин – Крупская – Керенский».

Этот вопрос можно признать очень приблизительным, он не дает выхода на глубокие или неглубокие теоретические познания молодежи о революции. Однако третья часть опрошенных, которые ничего не знают о действующих лицах революции – это некий показатель частичной утраты исторической памяти. Плохо, что для молодежи история становится чистым листком бумаги, на котором можно писать все что угодно.

В настоящее время сложно найти объективную, беспристрастную, правдоподобную информацию о революционном 1917 г. Поэтому тема достаточно сложна для изучения и к тому же не всегда представляет интерес для студентов. Для того чтобы это прояснить, были сформулированы соответствующие вопросы: «У вас вызывает интерес изучение темы февральская и октябрьская революции 1917 г. в курсе "История"»? Гипотетически предполагалось, что большинство ответят отрицательно, молодежь общества потребления интересуется историей чаще всего в прагматических целях. Предположение подтвердилось только частично: у 45% – эта тема вызывает интерес, у 46% – нет. Некоторые студенты отмечали, что «эту тему нужно знать, хотя большого интереса к ней нет». Для 33% опрошенных изучение темы Февральской и Октябрьской революций представляет сложность. Стоит признать, что тема эта крайне политизирована, труднодоступна пониманию. Профессиональным историкам не просто точно сформулировать – что же произошло с Россией в 1917 г.

Молодым людям с неоформленным политическим мировоззрением тем более достаточно сложно в этом разобраться. Опрос, проводившийся «Левада-центром» в 2017 г. на тему: «Какие периоды нашей истории вызывают у вас особый интерес?», показал, что тема революции 1917 г. вызывает интерес у 13% опрошенных. Стоит признать, что в обществе возникает интерес к отдельным периодам истории в годы памятных дат, а в целом большого интереса к этому периоду истории не наблюдается.

Возможно ли в России XXI в. повторение 1917 г.? Готова ли молодёжь радикально изменить политическую ситуацию в государстве, или об этом говорить преждевременно? Произошедшие в 82 городах России 26 марта 2017 г. акции протеста против коррупции в эшелонах власти, в которых активное участие принимала молодёжь, говорят о том, что часть молодых людей готовы к революционным действиям. Другое дело – кто и что их к этому побуждает. Сегодня Интернет является тем средством коммуникации и влияния на молодёжь, которое провоцирует их выходить на улицы.

Безусловно, революции 1917 г. были сделаны не молодёжью, а людьми, которые ничего не могли дать своим детям, солдатами, которые не хотели дальше воевать, интеллигенцией, т.е. вполне взрослыми людьми.

Внутри данного опроса была сделана попытка выяснить степень протестной активности молодёжи и их готовность принять участие в возможных революционных волнениях. Сделано это было с помощью вопроса: «Если бы в наши дни в Российском обществе началась революция, вы бы выразили желание принять в ней участие?» 41% ответили – «нет»; 34% затруднились; 13% ответили – «да»; 12% имели свое мнение. Собственное мнение студентов, при его обобщении, в целом, лежало в плоскости сомнений: «смотря какая революция и во имя чего»; «зависит от направления революции и её целей»; «если это будет на пользу государству, то – да» и др.

Однозначную готовность принять участие в революции выразило меньшинство (13%); большинство (41%) ответили – «нет», они не готовы включиться в протестный процесс. Безусловно, нельзя экстраполировать выводы студентов, принявших участие в данном опросе на всю молодёжь региона. Также нужно понимать, что достаточно большой процент опрошенных (34%) сомневались, не обозначая свои колебания конкретными фразами. В сомнениях молодых людей скрыто просматривается фактор целесообразности: «смотря какие цели и направление революции», во имя чего она будет происходить и какие сферы жизни затронет.

Гипотезы, сформулированные в начале исследования, подтверждаются частично. Расколотость мнений в оценке революций сохраняется – мнения разделяются, одинаковое количество опрошенных считают революцию «благом», либо «трагедией». Эмпирический уровень познания о революционном 1917 г. – поверхностный, большинство опрошенных не видели фильмов о революции и не читали о ней книг. Третья часть гипотезы подтвердилась частично, для 45% опрошенных эта тема интересна, а для 46% – нет. В целом, большого интереса к теме революций не наблюдается. Протестную активность можно признать низкой, только 13% готовы принять участие в рево-

¹⁵ Иван Николаевич Золотухин, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ.

люции. Необходимо иметь в виду, что 34% сомневающих молодых людей – это потенциальная социальная база протестных движений.

Нужно понимать, что сегодня в России мы имеем классовое разделение общества. У огромного числа молодых, но безденежных и не имеющих связей людей оказываются размыты ценностные ориентиры. То, что происходило век назад, очень напоминает то, что может произойти сегодня. Если молодёжь будет предоставлена сама себе, всегда найдутся силы, которые попытаются направить их действия в протестное русло.

Политические уроки 1917 г. будут вставать перед обществом периодически, и уже вставали неоднократно. Образ революции вновь возникал и при синдроме внутренней деградации центральной власти эпохи Брежнева, и в декабре 1991 г., когда произошло полное разрушение общественно-политического строя, и во время массовых акций протестов 2011–2013 гг., и в несанкционированных митингах школьников и студентов в марте 2017 г. Эти выступления молодёжи – иллюстрация полного провала в формировании идеологической молодёжной политики. На смену молодёжным организациям, существовавшим в советское время, не пришло ничего сопоставимого. На этом пустом идеологическом пространстве молодёжь оказалась предоставлена самой себе. Если нет консолидирующей идеологии, этим могут воспользоваться силы, представляющие угрозу стране.

Любые революционные движения – это борьба с деструктивными тенденциями в обществе. Революционные течения – это всегда отклонения от социальной нормы, нарушения в функционировании социальной системы. Обычно революции имеют тяжкие последствия в виде дисфункции социальных институтов, ломки человеческих судеб. Позитивная роль революции тоже имеет место быть в виде обновления социально-политического строя, но этот процесс улучшения носит долговременный характер, как правило, имеет очень длительную перспективу. Учитывая сказанное, уроки революционно-го 1917 г. будут актуальны для нас еще очень долгое время.

Золотухин И. Н.¹⁵: Уважаемые коллеги! Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что Великая русская революция 1917 г. не только стала уникальным событием российской истории, которое привело к кардинальным изменениям политического, социального и экономического устоев царской России, но и нашла отражение в мировом масштабе, в том числе в странах, относящихся к колониальной периферии. В этом отношении любопытно затронуть влияние революции 1917 г. на политические процессы в колониальных странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), в том числе на формирование в них рабочего движения.

Прежде всего следует отметить, что революционные события в России произошли в период оформления антиколониальной идеологии и пробуждения национального самосознания в Азии, что привело впоследствии к распространению освободительной борьбы, достигшей широких масштабов в британских колониях Азии, французском Индокитае и Голландской Ост-Индии.

На фоне вовлечения ЮВА в глобальные экономические процессы происходит ужесточение эксплуатации местного населения при параллельном стремлении колонизаторов облагородить управление заморскими территориями посредством внедрения более передо-

вых (как им казалось, гуманных) методов: отмены «принудительных культур» в Голландской Ост-Индии в 1870-х гг., децентрализации и введения фольксраада в 1916 г.; провозглашения самоуправления и построения демократического общества на Филиппинах; создания федерированных и нефедерированных территорий в Малайских владениях Великобритании; учреждения французского протектората над Индокитаем (фактически единственной из пяти областей, считавшейся колонией и находившейся под непосредственным контролем, была Кокхинина) и осуществления политики «ассоциации» при генерал-губернаторе Альбере-Пьере Сарро. Однако «цивилизаторская миссия» имела обратный результат – западные модели воспринимались как инструменты борьбы против колониальных порядков, а также свержения старых устоев и построения справедливых социальных отношений.

Во французском Индокитае левые идеи получают распространение на фоне возникших в первые годы XX в. революционных организаций, таких как «Общество обновления» и «Общество возрождения Вьетнама», к созданию которых оказался причастен Фан Бой Тяу, впоследствии заинтересовавшийся социализмом. Самой передовой, революционной силой вьетнамского общества становится рабочий класс, который, несмотря на свою малочисленность и слабую организованность, демонстрирует высокую боеспособность в национально-освободительном движении. Вьетнамский пролетариат, нещадно эксплуатируемый на плантациях, шахтах, фабриках и стройках, формировался преимущественно из крестьян, имевших давние традиции и богатый опыт борьбы против местных феодалов, иностранных захватчиков и колонизаторов.

Русская революция послужила толчком к активизации национально-освободительного движения в Индокитае и возникновению антиимпериалистической идеологии. В национально-освободительном движении Вьетнама преобладали два патриотических течения: реформистское и радикальное, – однако в силу малочисленности и неорганизованности радикального крыла, его представители были вынуждены эмигрировать. Среди революционеров-эмигрантов огромную известность приобрёл Хо Ши Мин, впоследствии ставший отцом современного вьетнамского государства. Во многом благодаря ему СССР приобрел в лице Вьетнама союзника в Индокитае.

В Голландской Ост-Индии пробуждение национального самосознания происходит в начале XX в. В 1908 г. Судирохусодо основал первую национальную организацию «Буди утомо» («Высокая цель»), а через три года возникла другая ассоциация – «Сарекат ислам» («Союз Ислама»), ставшая впоследствии массовой организацией с двумя миллионами членов. Одной из основ формирования политических движений националистического характера был феномен алирана. С одной стороны, под алираном понимаются различные социальные, культурные, интеллектуальные и религиозные отношения и контакты как горизонтального, так и вертикального уровня; с другой стороны, алиран – это формальные и неформальные организации, движения, партии и течения, которые возникали вокруг различных социальных, точнее – религиозно детерминированных, групп.

Национальное движение было сильно фрагментировано, помимо религиозно-этнических различий, население Голландских Индий в

начале XX в. подразделялось на несколько крупных социокультурных групп, оказывающих огромное влияние на её политическую жизнь: «сантри», «абанган», «прияи», а также христиан, являвшихся естественными противниками воинствующих исламистов. Кроме этих четырех основных групп особняком стояли потомки китайских иммигрантов – хуацяо, преимущественно исповедующие буддизм и конфуцианство, и небольшие группы арабов и индийцев.

Социалистические идеи в нидерландских колониях ЮВА были привнесены извне и развивались в рамках созданной в 1914 г. Индийской социал-демократической ассоциации (ИСДА), куда первоначально входили в основном голландцы. Именно революционные события в России 1917 г. повлияли на развитие левого политического дискурса в Голландской Ост-Индии, рост стачечного и профсоюзного движения, появлению в Сурабаи первых индонезийских Советов (Объединение рабочих и крестьян) и возникновению в 1920 г. Коммунистической партии Индонезии (КПИ), одной из первых компартий в колониальных и зависимых странах Азии, вскоре примкнувшую к Коминтерну. Коммунистическое движение на протяжении 1920-х гг. развивалось в рамках национализма, но представляло радикальное крыло. Очень скоро в партиях и политических организациях Индонезии нарастает размежевание революционеров и реформистов, развернулась борьба между Компартией и «Сарекат исламом», главным пунктом которой стал религиозный (мусульманский) вопрос. В результате коммунисты были вытеснены из движения, но за КПИ пошли боевые группы «Сарекат Ислама», в частности «Сарекат Ислам Мерах» («Красный Союз Ислама»), которые преобразовались в 1923 г. в «Сарекат Райят» («Союз народа»). В начале 1920-х гг. КПИ, явно переоценив свои силы, выдвинула лозунг о «советской Индонезии».

Рост популярности компартии привел к тому, что колониальные власти начали с ней борьбу, и в 1926 г. были разгромлены издательства партийных газет и боевые профсоюзы. Коммунистическое движение уходит в подполье, став во главу угла в борьбе за освобождение Индонезии от голландских колонизаторов. В 1956 г. коммунизм был провозглашен одним из столпов идеологии первого независимого индонезийского государства, что стало возможно благодаря отцу индонезийской государственности Сукарно, предложившему концепцию мархаэнизма и сумевшему воплотить в жизнь объединение трех течений национально-освободительного движения Индонезии: национализм, исламизм и марксизм.

На Филиппинах, с XVI в. принадлежащих Испанской Короне, началу национальной консолидации положило антииспанское восстание в Кавите (1872 г.), которое подняли рабочие артиллерийского и морского arsenалов, получившие поддержку со стороны солдат и офицеров (в т. ч. метисов). События 1872 г. оставили глубокий след в сознании подрастающего поколения иллюстрадос (просветителей), будущих лидеров и участников освободительного движения, как символ национальной солидарности и протеста. Тагальская интеллигенция (Хосе Рисаль, Марселе дель Пилар) и военные (Эмилио Агинальдо) стали ядром национальной и культурной консолидации филиппинского общества. Параллельно нерешенной оставалась проблема мусульманского населения Филиппин – моро, что создавало почву для серьезного этноконфессионального конфликта в будущем.

Освободившись в 1898 г. от Испании, Филиппинская республика уже в 1901 г. становится зависимой территорией от США, и, несмотря на проводимую на архипелаге американскими властями политику «обучения демократии», протестные настроения среди населения сохранялись.

Под влиянием революции 1917 г. на Филиппинах активизировалось рабоче-крестьянское движение, в 1920 г. прошла крупнейшая на Филиппинах стачка рабочих-наборщиков, из среды которых вышел один из основателей Прогрессивной Рабочей партии (ПРП) Крисанто Эванхелиста. В 1922 г. создаётся национальная конфедерация крестьян, охватившая остров Лусон. В мае 1929 г. сформирован Союз пролетариев, к которому примкнули Национальная конфедерация крестьян и Ассоциация китайских рабочих, проживающих на Филиппинах. Великая депрессия усугубила внутривнутриполитическую ситуацию в стране, экономически тесно связанной с США; происходит усиление и радикализация протестных настроений не только среди рабочих и крестьян, но и в мелкобуржуазной среде. С требованиями политических реформ и независимости Филиппин выступают студенты.

7 ноября 1930 г. ПРП была преобразована в Коммунистическую партию Филиппин (КПФ), которую возглавил Эванхелиста. КПФ немедленно оказалась под запретом и перешла на нелегальное положение, что, однако, не остановило роста стачечных выступлений. Во многом под влиянием протестов в марте 1934 г. Конгресс США принял Акт Тайдингса-Макдаффи, предусматривавший предоставление Филиппинам независимости по истечении 10-летнего переходного периода.

Таким образом, революционные события в России 1917 г. повлияли не только на формирование политических организаций коммунистического толка, выступления рабочего класса, но также способствовали активизации национально-освободительного и антиимпериалистического движения в ЮВА. Деколонизация в ЮВА приобретает характер самостоятельного процесса. Опыт Русской революции показал, что она возможна и в неиндустриальном обществе при незначительном по сравнению с европейскими странами числе пролетариата. Возникшие в ЮВА левые движения, провозглашая необходимость достижения прогрессивного общественного устройства, стали оплотом целенаправленной борьбы за независимость, несмотря на политику колониальных властей, воспринимавших коммунистическую идеологию как самую серьезную угрозу порядку в заморских владениях.

Кузнецов А. М.: Иван Николаевич, вот с учётом того, что в Юго-Восточной Азии задачи национально-освободительной борьбы играли доминирующую роль, можно ли те события, которые происходили, определять как революции?

Золотухин И. Н.: Наверное, это всё-таки не совсем корректно, потому что речь всё же шла не о том, чтобы перейти к социализму, а в большей степени о том, как достигнуть национального освобождения. Программа-минимум – освободиться от колонизаторов, а потом уже программа, как мы будем развиваться в дальнейшем. И все страны ЮВА по такому пути и пошли. Ну, понятно, что во Вьетнаме там возобладал социализм.

¹⁶ Марина Сергеевна Танцура, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ВИ-ШРМИ ДВФУ.

Агапов В. Л.: А можно ли тогда называть революцией, например, американскую революцию?

Золотухин И. Н.: Это реплика? Они же пошли другим путём, не таким, как метрополия.

Кузнецов А. М.: Но уже потом, после того, как получили независимость.

Алексеев Д. Ю.: Кстати, на Кубе, скорее всего, тоже было национально-освободительное движение, но в условиях двуполярного мира они, отталкиваясь от американцев, волей-неволей были вынуждены на сторону Советского Союза перейти.

Савчук А. А.: Я всегда в этой идее о «миссии белого человека» видел что-то лицемерное. По ответам моих индийских студентов можно судить, что революция 1917 г. стала прообразом того, как можно это делать. И Махатма Ганди в своём «мирном сидении», в том числе отталкивался и от Ленина, и от его идей. Он не хотел так. Он считал, что путь, которым свою страну повёл Ленин, не сочетается с дхармой и прочими индуистскими и буддийскими верованиями. Слишком много насилия и крови. Поэтому он выбрал другой путь.

Дударёнок С. М.: Уважаемые коллеги! Наше время истекло. Три часа пролетели как три минуты. Я думаю, что те вопросы, которые мы сегодня поднимали, мы более широко осветим в своих докладах и выступлениях на конференции, которую Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН проводит в ноябре. Если у кого-то есть мнение и соображения по поводу нашей сегодняшней встречи, можете высказаться.

Галлямова Л. И.: Уважаемые коллеги! Основным итогом нашей встречи является понимание того, что при исследовании такого глобального события, как Великая Российская революция 1917 г. невозможно найти какую-то одну истину, привести тему к единообразию и прийти к «единственно правильному» объяснению событий столетней давности. Любой подход даёт своё видение, дополнительные штрихи. Жаль, что мы не осветили в своих выступлениях влияние революции на Китай.

Алексеев Д. Ю.: Уважаемые коллеги! Мне представляется, что можно сделать вывод о том, что в революции было немало прогрессивного. Например, смена формы правления с монархии на республику, разделение государства и церкви, реформа календаря. Большевики по-своему пытались ответить на вызовы времени, потому что другие не ответили.

Барбенко Я. А.: Наблюдая сегодняшнюю дискуссию, я сделал для себя интересный вывод, что мы продолжаем рассуждать о революции в категориях разрыва, кризиса, и только один человек, Светлана Борисовна, концептуально сконцентрировалась на преемственности дореволюционных и послереволюционных процессов. А ведь зачем происходят революции? Чтобы то, что не могло развиваться в старых условиях, могло развиваться в новых. И вот когда мы перейдём на этот регистр рассуждений, от этого и пользы будет больше, ну, и тем более больше всяких идей.

Танцура М. С.¹⁶: Коллеги! Я хочу высказать такое замечание. Я тут услышала огромное количество оценочных суждений. А вот вопроса процессуальности как бы не прозвучало. У меня студенты этим занимаются. То, что мы сейчас получили, о позициях молодёжи – ре-

зультат большого длительного процесса, с которым мы столкнулись ещё в конце 1980-х гг. Если мы не начнём понимать, как с этим справляться, что с этим делать, мы получим то, что мы получили 100 лет назад, когда власть не в состоянии была понять, чего же делать, как быть с этим народом, а народ не в состоянии оценить, почему ему не нравится власть и что же он от неё хочет получить.

Куликов Г. П.: Как философия говорит, любое единство у нас относительно, а борьба абсолютна. На наших глазах то единство, которое было достигнуто в 1990-е гг., начинает рушиться. Мы размежываемся с Америкой, мы размежываемся сейчас с Европой, власть и народ тоже почему-то расходятся. А отсюда и разного рода манёвры. Вот недавно ВЦИОМ вспоминали, Сталин на первом месте, на втором – Путин, а на третьем – Пушкин. Типичный приём пиара. Вот два позитивных, ну и между ними фигура – тоже позитивная. Это не случайно, и не случайно, что наш нынешний президент весьма отрицательно охарактеризовал те события, которые начали происходить у нас в стране в 1990-е гг. Поэтому мы идём к какому-то новому единству, какой облик оно примет – и от нас зависит.